

ТАИНСТВЕННАЯ БРОШЮРА

О

КУРЛЯНДСКОЙ

ГУБЕРНИИ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія „Научное Дѣло“. Загородный пр., 74.
1915.

ТАИНСТВЕННАЯ БРОШЮРА

О

КУРЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія „Научное Дѣло“. Загородный пр., 74
1915.

I.

Вспыхнувшая въ прошломъ году война Россіи съ Германіей естественно вызвала особенный интересъ къ Прибалтійскому краю, какъ, съ одной стороны, населенному въ извѣстной мѣрѣ нѣмцами, такъ, съ другой, въ особенности потому, что зарубежные, германскіе нѣмцы открыто заявили, что настала пора высвободить Прибалтійскій (по нѣмецкой терминологіи — Остзейскій) край изъ-подъ «ига» Россіи и освободить и своихъ собратьевъ. И такъ какъ, кромѣ того, и господствующее положеніе въ краѣ, несмотря на сравнительно небольшую численность, исторически пріобрѣтено нѣмцами и сохранилось за ними до сего времени, то и въ обществѣ, и въ печати подыались вопросы о положеніи Прибалтійскаго края въ Россіи, о дѣйствующихъ тамъ нормахъ и порядкахъ, объ отношеніяхъ населяющихъ край народностей другъ къ другу и къ государству, а, въ частности, къ войнѣ Россіи съ Германіей, о необходимыхъ въ краѣ преобразованіяхъ и проч. Стали появляться о Прибалтійскомъ краѣ статьи почти во всѣхъ болѣе видныхъ русскихъ газетахъ и издаваться отдѣльныя брошюры. Въ числѣ послѣднихъ имѣются такія, которыя доступны всѣмъ, но появилась въ концѣ прошлаго или началѣ нынѣшняго года — по крайней мѣрѣ, одна — и такая брошюра, которой въ продажѣ нѣтъ и которая, поѣтому, для широкой публики недоступна и, повидимому, для нея и не предназначалась. Судя по тому, что брошюра эта по своему содержанію, главнымъ образомъ, имѣетъ цѣлью оправдать и защитить направленіе политики бывшаго Курляндскаго губернатора С. Д. Набокова, надо полагать, что она отпечатана въ извѣстномъ, ограниченномъ количествѣ экземпляровъ для раздачи нѣкоторымъ русскимъ общественнымъ дѣятелямъ и лицамъ, власть имущимъ, мнѣніе которыхъ о направленіи

политики С. Д. Набокова для автора брошюры, очевидно, не являлось безразличнымъ.

Брошюра отпечатана въ Курляндской губернской типографіи и съ разрѣшенія бывшаго губернатора С. Д. Набокова (на ней имѣется надпись: «Печатано съ разрѣшенія Г. Курляндскаго Губернатора»). Въ виду этихъ внѣшнихъ признаковъ, а съ другой стороны — въ виду того, что въ брошюрѣ излагаются такія дѣйствія г. Набокова (напр. представленія въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, бесѣды съ нѣкоторыми лицами), о которыхъ совѣмъ постороннему лицу не могло быть извѣстно, надо полагать, что авторомъ брошюры является лицо, дѣйствительно освѣдомленное о дѣйствіяхъ Курляндской администраціи.

По внѣшнему виду брошюра составлена такимъ образомъ, что каждая страница ея имѣетъ два равной величины столбца, раздѣленные прямой линіей, проведенной сверху внизъ. Въ первомъ столбцѣ отпечатаны: «Статьи, помѣщенные въ повременной прессѣ про Курляндскую губернію», а во второмъ — «Свѣдѣнія, основанныя на документальныхъ данныхъ, опровергающія лживыя сообщенія газетъ». Такимъ образомъ, изложеніе появившихся въ 1914 году въ русской повременной печати (газ. «Нов. Вр.», «Веч. Вр.», «Русск. Слово» и проч.) про Курляндскую губернію статей и, съ другой стороны, свѣдѣній автора брошюры идетъ параллельно. Затѣмъ, въ концѣ брошюры помѣщенъ рядъ приложений, числомъ девять, изъ коихъ второе, третье, четвертое, шестое и седьмое являются коніями или выписями разныхъ документовъ, восьмое составляетъ переводъ одной латышской газетной статьи, пятое посвящено обсужденію вопроса объ отношеніи сходовъ волостныхъ выборныхъ Курляндской губернии къ предложенію органовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія о присоединеніи волостныхъ училищъ Курляндской губерніи къ школьной сѣти этого Министерства, а первое и девятое заключаютъ въ себѣ разсужденія автора, по преимуществу оправдывающія направленіе политики С. Д. Набокова. Изъ этихъ приложений особенно интересны три послѣднихъ, которыя, собственно говоря, являются краеугольнымъ камнемъ, основною частью всей брошюры.

По содержанію вышеозначенный второй столбецъ, а

равно приложенія первое, пятое и девятое написаны очень поверхностно. Авторъ всюду говоритъ очень категорично, несмотря на то, что ни по одному почти вопросу онъ не обладаетъ полными, исчерпывающими свѣдѣніями и данными. Кромѣ того, и изъ тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыми авторъ располагаетъ, онъ иногда дѣлаетъ неоправдываемые ими выводы и заключенія.

Къ намъ разсматриваемая брошюра поступила не отъ ея автора, а попала совершенно случайно. Этимъ объясняется то обстоятельство, что мы не имѣли въ своихъ рукахъ означенной брошюры цѣликомъ, а только нѣкоторую ея часть. Намъ не приходилось читать начала этой брошюры и нѣкоторыхъ страницъ изъ ея середины. Въ виду этого строки, посвященныя разсмотрѣнію содержанія этой брошюры, поневолѣ должны явиться не исчерпывающими это содержаніе, а лишь частично его затрогивающими. Да, впрочемъ, едва-ли имѣется надобность разсматривать все содержаніе брошюры такимъ образомъ, чтобы ничего изъ него не было пропущено. Брошюра сама не представляетъ изъ себя чего-либо единаго, цѣльнаго. Содержаніе ея отрывочно, ибо посвящено опроверженію сообщеній разныхъ газетъ, также, конечно, не связанныхъ между собою. Всѣ появившіяся въ началѣ настоящей войны въ русской повременной печати свѣдѣнія про Курляндскую губернію авторъ брошюры опровергаетъ, если эти свѣдѣнія не согласны съ его взглядами, его тенденціей. Не имѣя возможности останавливаться на всѣхъ разсужденіяхъ автора, направленныхъ къ опроверженію сообщеній газетъ, мы коснемся лишь разсужденій его по нѣкоторымъ болѣе существеннымъ вопросамъ.

Во многихъ мѣстахъ своей брошюры авторъ касается вопроса о нѣмецкой колонизаціи Курляндской губерніи. Въ своихъ разсужденіяхъ по этому вопросу авторъ стремится доказать, что «нѣмецкой колонизаціи въ Курляндской губерніи въ тѣхъ размѣрахъ, какъ она представлена частными слухами и сообщеніями отдѣльныхъ лицъ, помѣщенными въ повременной печати, не существуетъ, и эта колонизація въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется въ дѣйствительности, никакой угрозы ни русской государственности, ни безопасности границъ Имперіи не представ-

ляетъ». Въ частности, напр., въ повременной печати по поводу нѣмецкой колонизаціи Курляндской губерніи указывалось, что «первые нѣмецкіе колонисты въ Курляндіи осѣли главнымъ образомъ въ Газенпотскомъ и Гольдингенскомъ уѣздахъ, ближе къ морю и портамъ, а также къ прусской границѣ» («Веч. Вр.» № 761 отъ 12-го мая 1914 г.). Авторъ брошюры опровергаетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: «колонисты эти расположены по всей губерніи, по большей части въ Гольдингенскомъ, Газенпотскомъ и Тальсенскомъ уѣздахъ. Ни одинъ изъ этихъ уѣздовъ не граничитъ ни съ Пруссіей, ни съ портами побережья Балтійскаго моря». Намъ думается, что этими словами авторъ брошюры ничего не опровергъ. Вѣдь, если нѣмецкіе колонисты расположены по всей губерніи, то, значитъ, они находятся и «ближе къ морю и портамъ, а также къ прусской границѣ», а Тальсенскій и Газенпотскій уѣзды, вѣдь, граничатъ съ Балтійскимъ моремъ. Кромѣ того, авторъ замѣтки «Веч. Вр.», вѣроятно, вовсе не имѣлъ въ виду утверждать, что Гольдингенскій, Газенпотскій и Тальсенскій уѣзды *граничатъ* съ Пруссіей или портами побережья Балтійскаго моря, а только то, что въ этихъ уѣздахъ, *ближе* къ морю и портамъ, а также къ прусской границѣ, осѣли нѣмецкіе колонисты.

Далѣе авторъ брошюры говоритъ: «всѣ эти колонисты—русскіе подданные, крестьяне Люблинской, Радомской, Варшавской, Сѣдлецкой, Волынской и Саратовской губерній. Всѣ они къ этимъ губерніямъ приписаны издавна и говорятъ по-русски гораздо лучше, чѣмъ окружающее ихъ теперь латышское населеніе. Дѣти ихъ говорятъ почти только по-русски». Эти слова автора брошюры показываютъ, что онъ и теперь еще, во время войны, не отрѣшился отъ вреднаго въ государственномъ отношеніи заблужденія, будто поселенные въ Курляндской губерніи нѣмецкіе колонисты не вредны или безразличны потому, что они являются русскими подданными вышеназванныхъ губерній. Люди наблюдательные и разсуждающіе уже давно, задолго до возникновенія нынѣшней войны, находили, что нѣмецкіе колонисты уже въ указанныхъ губерніяхъ не безразличны, а вредны, и что они особенно вредны еще потому, что, крѣпко осѣвши въ названныхъ губерніяхъ, они затѣмъ

стремятся мирно завоевывать дальнѣйшія области Россіи (ср. А. П. Липранди, *Германія въ Россіи*; Харьковъ, 1911). «Два милліона нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ», говоритъ А. П. Липранди, «представляютъ собою цѣлую маленькую Германію, хотя и находящуюся въ Россіи, но враждебную ей и совершенно обособленную отъ всего русскаго, живущую и дышущую не русскими, а германскими интересами». «Германская колонизація», говоритъ далѣе тотъ-же авторъ, «захватываетъ у насъ все новые и новые районы, далеко уже выйдя за черту первоначальнаго поселенія колонистовъ и разливаясь буквально по всей Россіи», причемъ «не только никакихъ препонъ къ мирному завоеванію Россіи нѣмцами не было до сего времени и сейчасъ нѣтъ, но еще оказывается нерѣдко и содѣйствіе этому «мирному завоеванію» съ нашей стороны».

Кромѣ того, авторъ брошюры не видитъ противорѣчія и несообразности въ слѣдующемъ. Съ одной стороны, онъ говоритъ, что С. Д. Набоковъ, по своей прежней должности прокурора Варшавской судебной палаты, «зналъ случаи двойного подданства германцевъ и ему было извѣстно, что на предметъ скупки недвижимостей въ предѣлахъ губерній Царства Польскаго многіе двойные подданные имѣли въ своемъ распоряженіи въ Берлинѣ спеціальныя кредиты на особенно льготныхъ условіяхъ», а съ другой стороны—что въ маѣ мѣсяцѣ 1911 года онъ, тѣмъ не менѣе, сообщалъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, что въ Курляндской губерніи «эта колонизація въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется въ дѣйствительности, никакой угрозы ни русской государственности, ни безопасности границъ Имперіи не представляетъ». Выходитъ, что въ губерніяхъ Люблинской, Радомской, Варшавской, Сѣдлецкой, относящихся къ Царству Польскому, наблюдались нежелательные случаи нѣмецкой колонизаціи, а если тѣ-же колонисты оттуда переходятъ въ Курляндскую губернію, то это уже никакой угрозы ни русской государственности, ни безопасности границъ Имперіи не представляетъ. Последнее положеніе, конечно, неправильно.

Что касается, засимъ, того, кто въ Курляндской губерніи лучше говоритъ по-русски, колонисты-ли изъ вышеназванныхъ губерній или окружающее ихъ латышское насе-

леніе, мы, за отсутствіемъ точно провѣренныхъ данныхъ и невозможностью ихъ въ настоящее время добыть, не беремся судить. Но, вѣдь, въ другихъ отношеніяхъ это вовсе не равноцѣнныя величины, которыя отличались - бы только большимъ или меньшимъ знаніемъ русскаго языка. Если бы на сторонѣ курляндскихъ латышей, быть можетъ, и оказалось меньшее знаніе русскаго языка, то въ исполненіи своихъ обязанностей вѣрноподданныхъ и несеніи жертвъ на благо отечества латыши стоятъ несравненно выше нѣмецкихъ колонистовъ, какъ это съ несомнѣнностью доказала нынѣшняя война. Но, если о знаніи русскаго языка курляндскими латышами и нѣмецкими колонистами могутъ быть разныя мнѣнія, то едва-ли авторъ брошюры найдетъ кого-либо, даже среди самихъ нѣмецкихъ колонистовъ, кто бы повѣрилъ, что дѣти колонистовъ «говорятъ почти только по-русски». По крайней мѣрѣ, среди лицъ, бывавшихъ хоть въ какой-нибудь нѣмецкой колоніи въ губерніяхъ «Люблинской, Радомской, Варшавской, Сѣдлецкой, Волынской и Саратовской», такихъ вѣрящихъ не найдется (см. указанную выше книгу А. П. Липранди).

О той-же нѣмецкой колонизаціи Курляндской губерніи авторъ брошюры далѣе заявляетъ: «никакой общей организаціи для приглашенія батраковъ изъ числа нѣмецкихъ колонистовъ вышеперечисленныхъ губерній въ Курляндской губерніи не существуетъ и не существовало». Это утвержденіе положительно опровергается данными, выяснившимися во время нынѣшней войны, и кромѣ того находится въ противорѣчій съ дальнѣйшимъ изложеніемъ брошюры, изъ котораго видно, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1907 года въ Курляндской губерніи возникло общество для скупки и перепродажи земель, учредителями котораго были извѣстный баронъ К. К. фонъ-Мантейфель-Цеге, баронъ Фирксъ и г. Кауль. Это общество, по заявленію автора брошюры, выписывало изъ Волынской губерніи тамошнихъ нѣмецкихъ колонистовъ для Курляндской губерніи; кромѣ того, систематически вербовали нѣмецкихъ колонистовъ и отдѣльные нѣмецкіе помѣщики Курляндской губерніи. Слѣдовательно, уже изъ содержанія брошюры явствуетъ, что организація въ вербовкѣ колонистовъ была. Заключение автора объ отсутствіи такой организаціи не соотвѣт-

ствуешь тѣмъ даннымъ, которыя изложены въ его же брошюрѣ.

Причину вербовки нѣмецкихъ колонистовъ авторъ брошюры ищетъ не тамъ, гдѣ ее естественнѣе всего было бы найти, а въ безпорядкахъ 1905—1906 годовъ, т. е. принимаетъ на вѣру ту причину, которую всѣми силами стремятся навязать другимъ мѣстные нѣмцы. «Толчкомъ къ вербованію нѣсколькими помѣщиками нѣмецкихъ колонистовъ изъ другихъ губерній», говоритъ авторъ брошюры, «послужило то ненормальное положеніе, которое создалось послѣ безпорядковъ 1905—1907 годовъ, когда помѣщики-нѣмцы столкнулись съ необходимостью вновь нанимать въ батраки и рабочіе тѣхъ же окрестныхъ крестьянъ, которые только что жгли ихъ усадьбы, убивали ихъ скотъ и иногда ихъ самихъ держали въ плѣну по нѣскольکو дней. Выходомъ изъ этого положенія и явилось приглашеніе нѣмцевъ-колонистовъ, а такъ какъ хозяйственные интересы требовали, чтобы составъ рабочихъ былъ болѣе или менѣе постоянный, а пришлое населеніе можно было сколько-нибудь прочно водворить только посредствомъ прикрѣпленія его къ землѣ, то и была этими помѣщиками принята система продажи такимъ рабочимъ семьямъ участковъ». Затѣмъ, желая подкрѣпить этотъ свой взглядъ о причинѣ вербовки курляндскими помѣщиками нѣмецкихъ колонистовъ, авторъ брошюры заявляетъ: *«наемъ колонистовъ начался въ 1907 году, когда помѣщикамъ предстала необходимость возобновить составъ рабочихъ послѣ разгрома мѣстнымъ населеніемъ усадебъ, сопровождавшаго въ Курляндской губерніи бунтовщическое движеніе 1905—1907 годовъ»*. Въ другомъ же мѣстѣ брошюры, говоря о той же колонизаціи, и, въ частности, о дѣятельности возникшаго въ 1907 году общества для скупки и перепродажи земель, авторъ замѣчаетъ: «тутъ слѣдуетъ упомянуть что подобное же привлеченіе нѣмецкихъ колонистовъ—русскихъ подданныхъ не только изъ Волынской, но и изъ Привислинскихъ, а также изрѣдка изъ Саратовской и другихъ губерній, имѣло мѣсто и ранѣе, причемъ никакого раздраженія латышей противъ колонистовъ-нѣмцевъ не замѣчалось, а благоразумная часть земледѣльческаго латышскаго населенія, сама страдавшая отъ недостатка въ мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ,

вызваннаго событіями революціоннаго времени и усиленнымъ переселеніемъ сельскихъ рабочихъ въ другія части Имперіи и въ города Прибалтійскихъ губерній, также занимала нѣмецкихъ колонистовъ на лѣтнія сельскохозяйственныя работы». Выходить, такимъ образомъ, вопреки первоначальному заявленію автора, что движеніе 1905—1906 годовъ не имѣло въ данномъ вопросѣ такого значенія, какое ему приписывалъ авторъ, ибо привлеченіе нѣмецкихъ колонистовъ ихъ прибалтійскими сородичами наблюдалось и *ранѣе*. Но и засимъ во всей длинной цитатѣ, только что приведенной изъ разсматриваемой брошюры, нѣтъ ни одного сколько-нибудь продуманнаго предложенія. По меньшей мѣрѣ, надо было пояснить, какимъ это образомъ событія революціоннаго времени вызвали среди мѣстнаго латышскаго земледѣльческаго населенія недостатокъ въ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, когда, по заявленію автора брошюры, нѣмецкіе помѣщики въ 1907 году рѣшили не нанимать въ батраки и рабочіе тѣхъ окрестныхъ крестьянъ латышей, которые «только что жгли ихъ усадьбы, убивали ихъ скотъ и иногда ихъ самихъ держали въ плѣну по нѣсколько дней» и когда, такимъ образомъ, для латышскаго земледѣльческаго населенія должно было получиться даже нѣкоторое увеличеніе батраковъ и рабочихъ по сравненію съ прежнимъ временемъ. Равнымъ образомъ, нѣсколько болѣе подробнаго поясненія требовало-бы заявленіе автора о наймѣ нѣмецкихъ колонистовъ на лѣтнія сельскохозяйственныя работы со стороны мѣстной латышской земледѣльской части населенія,—дѣйствительно-ли и въ какихъ размѣрахъ онъ наблюдался. Если-бы авторъ брошюры пожелалъ по этому вопросу подробнѣе и точнѣе выразиться, то оказалось-бы, навѣрное, что это были или единичные случаи или же случаи найма нѣмецкихъ колонистовъ онѣмечившимися латышами и что мѣстное латышское населеніе даже избѣгаетъ нѣмецкихъ колонистовъ по той простой причинѣ, что они стоятъ гораздо ниже мѣстныхъ латышскихъ рабочихъ въ отношеніи интенсивности работы и ими усвоены такія привычки (напр., позднее вставаніе по утрамъ и проч.), которыя, по мѣстнымъ условіямъ природы и почвы, не могутъ быть терпимы въ сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Прибалтій-

скихъ губерніяхъ, ибо иначе здѣсь невозможно существовать земледѣлію.

Что причина вербовки мѣстными курляндскими нѣмцами помѣщиками нѣмецкихъ колонистовъ другая, а не та, которую указываетъ авторъ брошюры, явствуетъ изъ того, что во время безпорядковъ 1905—06 годовъ пострадали не одни помѣщики-нѣмцы, но и землевладѣльцы другихъ національностей, а равно недостатокъ въ мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ былъ общій, а не только у нѣмцевъ. Но тогда какъ землевладѣльцы другихъ національностей старались найти рабочихъ по близости, въ сосѣднихъ Витебской и Ковенской губерніяхъ, и изъ лицъ какой-угодно національности—русской, литовской и проч., помѣщики-нѣмцы вербовали не только рабочихъ, но по преимуществу колонистовъ изъ далекихъ Волынской и Саратовской губерній и только или по преимуществу лицъ нѣмецкой національности. Кромѣ того, въ вербовкѣ была видна система и эта вербовка производилась при помощи особыхъ агентовъ, воззваній и проч.

Опроверженію появившихся въ повременной печати свѣдѣній о нѣмецкой колонизаціи Курляндской губерній авторъ посвятилъ много страницъ своей брошюры, но, не взирая на такое количество текста, ему не удалось не только опровергнуть, но даже сколько-нибудь поколебать правильность означенныхъ свѣдѣній.

При чтеніи разсужденій автора получается впечатлѣніе, что выводы имъ дѣлались не на основаніи фактовъ, а факты подгонялись подъ извѣстные положенія, защищаемыя авторомъ.

Не лучше повезло автору и во многихъ другихъ вопросахъ, свѣдѣнія газетъ по которымъ онъ также опровергаетъ въ своей брошюрѣ. Къ числу такихъ вопросовъ относится, напр., вопросъ о службѣ прибалтійскихъ нѣмцевъ въ германской арміи. Опровергая по этому вопросу свѣдѣнія газетъ въ отношеніи Курляндской губерніи, авторъ брошюры стремится умалить значеніе этого вопроса. Онъ говоритъ: «Нѣмецкихъ семей, которыхъ сыновья служатъ въ германской арміи, три—баронъ Раденъ, котораго два сына съ 1905 года выѣхали за границу и нынѣ служатъ въ германской арміи, Ашенбергъ и баронъ Зассъ, которыхъ

сыновья получили образованіе и служатъ въ германской арміи. Всѣ эти молодые люди изъ Курляндскаго Дворянства, разумѣется, исключены. О причинахъ, вызвавшихъ это явленіе, сказать что-либо трудно, тѣмъ болѣе, что явленіе это имѣло мѣсто въ 1905 году, т. е. за пять лѣтъ до вступленія С. Д. Набокова въ должность Курляндскаго Губернатора». Осторожный авторъ, нежелающій чего-либо скрывать, говоря о количествѣ нѣмецкихъ семей, сыновья которыхъ служатъ въ германской арміи, непременно выразился-бы не такъ категорично. Вѣдь, всѣмъ мѣстнымъ жителямъ Курляндской губерніи, хоть немного интересовавшимся этимъ вопросомъ или же читавшимъ газеты, извѣстно, что число подобныхъ семей гораздо больше. Здѣсь мы укажемъ только на тѣ свѣдѣнія, которыя были уже помѣщены въ газетахъ; напр., изъ семьи бароновъ фонъ-Фирксъ двое—бароны Рейнгольдъ и Гансъ ф.-Фирксы—служатъ въ германской арміи, и одинъ изъ нихъ въ настоящей войнѣ уже палъ въ борьбѣ противъ Россіи. Казалось-бы, и авторъ брошюры могъ принадлежать къ числу лицъ, интересующихся даннымъ вопросомъ, разъ онъ взялъ на себя его освѣщеніе. Съ другой стороны, странно то, что автору брошюры *трудно* сказать что-либо «о причинахъ, вызвавшихъ это явленіе», т. е. службу мѣстныхъ прибалтійскихъ нѣмцевъ въ германской арміи; странно это потому, что всѣ другого рода явленія авторъ объясняетъ свободно и съ очень легкой руки.

Немало вниманія удѣлено авторомъ брошюры и вопросу о служащихъ въ имѣніяхъ помѣщиковъ-нѣмцевъ. Въ повременной печати неоднократно появлялись свѣдѣнія о томъ, что во многихъ имѣніяхъ помѣщиковъ-нѣмцевъ Лифляндской и Курляндской губерній имѣлись до войны въ качествѣ управляющихъ, лѣсничихъ, лѣсниковъ и т. д. нѣмцы—иностранные подданные, во многихъ случаяхъ даже чины запаса германской или австрійской армій. Какъ на примѣръ послѣдняго, между прочимъ, указывалось на графа Зигмунда фонъ-Спретти, германскаго офицера. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ печати указывалось, что всѣ подобныя лица едва-ли были безразличны для Россіи въ смыслѣ шпионства и что нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно собирали разныя свѣдѣнія и дѣлали записи (ср. «Веч. Вр.» № 945 отъ 21 ноября 1914 г.).

Какъ-же относится къ этимъ свѣдѣніямъ авторъ брошюры? Онъ ихъ, конечно, опровергаетъ и дѣлаетъ это слѣдующимъ образомъ. «Въ нѣмецкихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ», говоритъ авторъ, «по имѣющимся свѣдѣніямъ, есть управляющіе нѣмцы, но есть и латыши. Землемѣровъ вообще нѣтъ. Лѣсники и прислуга въ подавляющемъ большинствѣ латыши и нѣтъ почти ни одного помѣщика, который не владѣлъ-бы свободно латышскимъ языкомъ, на которомъ онъ съ дѣтства пріучается разговаривать съ прислугой». Относительно же графа Спретти авторъ брошюры говоритъ: «ни одного случая, чтобы германецъ обходилъ край изъ конца въ конецъ и наканунѣ войны скрылся за границу, не установлено, несмотря на то, что жандармскою полиціею произведены по этому предмету тщательнѣйшія разслѣдованія. Что касается Зигмунда фонъ-Спретти, то поданное о немъ анонимное заявленіе гласило, что онъ раненный, съ головой закутанной башлыкомъ, пришелъ пѣшкомъ изъ Пруссіи въ имѣніе Кауцемюнде графа Палена и въ теченіи долгаго времени скрывался въ этомъ и сосѣднихъ имѣніяхъ, а потомъ исчезъ. Дознаніемъ установлено, что 15-го іюля вечеромъ въ имѣніе Кауцемюнде пріѣхалъ на автомобилѣ изъ Пруссіи къ графу Палену его родственникъ графъ Спретти; графъ Паленъ тутъ-же предложилъ ему немедленно уѣхать, что графъ Спретти и исполнилъ. Ни одного жителя окрестностей, который-бы видѣлъ Спретти, обнаружить не удалось, кромѣ заявившаго объ этомъ случаѣ самого графа Палена, его семейства и прислуги». Такимъ образомъ, изъ словъ автора брошюры выходитъ, что въ имѣніяхъ курляндскихъ помѣщиковъ-нѣмцевъ имѣлись отчасти управляющіе и лѣсники-нѣмцы, но не иностранные подданные, а графъ фонъ-Спретти пріѣхалъ въ гости къ графу Палену лишь одинъ разъ случайно, причемъ графъ Паленъ попросилъ его немедленно уѣхать, т. е. попросту прогналъ его.

Мы, конечно, не намѣрены приводить здѣсь списка управляющихъ, лѣсничихъ, лѣсниковъ и проч., бывшихъ въ имѣніяхъ курляндскихъ помѣщиковъ-нѣмцевъ до нынѣшней войны и состоявшихъ германскими или австрійскими подданными. Для того, чтобы показать, что и въ данномъ вопросѣ авторъ брошюры очень поверхностенъ,

достаточно указать лишь на тѣхъ двухъ лицъ, имена которыхъ уже упоминались въ повременной печати, именно: на офицера германской арміи Гофмана, жившаго въ имѣніи Гросъ-Экау, принадлежащемъ графу Палену, и на выше-названнаго графа фонъ-Спретти, жившаго сначала въ подмызкѣ Дуббенгофъ, Баускаго уѣзда, у барона Гана, а затѣмъ въ имѣніи Кауцемюнде, у графа П. П. фонъ-деръ-Палена.

Вышепоименованный Гофманъ не только довольно долгое время жилъ въ имѣніи Гросъ-Экау, но въ 1913 году, въ качествѣ представителя отъ этого имѣнія, участвовалъ въ засѣданіяхъ Бауской уѣздной совѣщательной по дорожнымъ дѣламъ комиссіи. Конечно, уже по одному этому г. Гофманъ долженъ былъ обладать хорошими и не безразличными для Россіи свѣдѣніями. Этотъ Гофманъ исчезъ изъ имѣнія Гросъ-Экау приблизительно за два мѣсяца до объявленія Германіей Россіи войны.

Что-же касается графа фонъ-Спретти, то онъ жилъ сначала у виднаго мѣстнаго нѣмецкаго дѣятеля, предсѣдателя мѣстнаго отдѣла нѣмецкаго общества (дейчеръ-ферейна), барона Гана въ подмызкѣ Дуббенгофъ. Здѣсь онъ считался какъ-бы гостемъ. Занимался онъ тѣмъ, что изобрѣталъ какія-то саперныя орудія и вслѣдствіе этого разъѣзжалъ по конторамъ нотаріусовъ и свидѣтельствовалъ бумаги и ходатайства о выдачѣ ему патентовъ, и вообще велъ дѣятельную переписку съ заграницей. Рабочій народъ считалъ его «глупенькимъ», такъ какъ онъ часто, остановившись, что-то записывалъ и рисовалъ, иногда мѣрилъ глубину рѣкъ Курляндской Аа, Мусы, Мемеля. Правда, по возникновеніи войны Россіи съ Германіей графа фонъ-Спретти уже перестали и среди мѣстныхъ рабочихъ считать «глупенькимъ»... Въ подмызкѣ Дуббенгофъ этотъ графъ фонъ-Спретти жилъ до смерти барона Гана, послѣ которой перешелъ къ новому предсѣдателю мѣстнаго отдѣла дейчеръ-ферейна, владѣльцу имѣнія Кауцемюнде, Баускаго уѣзда, вышепоименованному графу фонъ-деръ-Палену. Здѣсь уже фонъ-Спретти считался управляющимъ, а въ іюнѣ мѣсяцѣ 1914 года онъ исчезъ изъ имѣнія. О причинѣ его исчезновенія пронеслась молва, что онъ уволенъ за то, что паровыя поля въ имѣніи оказались плохо вспаханными.

Мѣстный простой народъ уже тогда не склоненъ былъ вѣрить этой молвѣ, а потомъ, по возникновеніи нынѣшней войны, сталъ говорить, что, вѣроятно, графъ фонъ-Спретти былъ нѣмецкимъ шпиономъ.

Во многихъ мѣстахъ своей брошюры авторъ старается опровергнуть сообщенія газетъ о томъ, что въ Курляндской губерніи высшія полицейскія должности въ значительной степени заняты нѣмцами. Между прочимъ, цѣлую страницу своей брошюры авторъ посвятилъ опроверженію по этому вопросу сообщенія газеты «Новое Время» въ № 13893 отъ 14 ноября 1914 г. Въ этомъ сообщеніи, въ частности, были поименованы уѣздные начальники или ихъ старшіе или младшіе помощники нѣмецкой національности въ шести уѣздахъ губерніи. Авторъ брошюры, сообразно поставленной имъ цѣли—оправдать направленіе политики и вообще образъ дѣйствій С. Д. Набокова, заявляетъ, что находящіеся нынѣ въ полицейскихъ должностяхъ Курляндской губерніи нѣмцы были назначены на эти должности еще до вступленія С. Д. Набокова въ должность Курляндскаго губернатора и что послѣдній на всѣ освобождавшіяся полицейскія должности назначалъ ненѣмцевъ, а состоявшихъ на службѣ нѣмцевъ удалять съ таковой не находилъ «ни основаній, ни законныхъ способовъ». Если-бы авторъ ограничился лишь этими замѣчаніями, то, пожалуй, особаго упрека ему нельзя было-бы сдѣлать. Но авторъ брошюры и въ этомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, имъ затрогиваемыхъ, помимо главной своей задачи, стремится и защитить и обѣлечь нѣмцевъ и всячески очернить латышей. Такъ какъ эта второстепенная задача, поскольку автору приходится опровергать появившіяся въ газетахъ за время нынѣшней войны свѣдѣнія, довольно неблагоприятная, то автору и приходится дѣлать довольно странныя заявленія. По вопросу о составѣ полиціи въ Курляндской губерніи авторъ брошюры заявляетъ, напр., что Туккумскій уѣздный начальникъ Левингъ не нѣмецъ, а шведскаго происхожденія, а Гробинскій уѣздный начальникъ Майеръ — латышъ. Если предки г. Левинга и были когда-либо шведы, то это не значитъ, чтобы и самъ онъ былъ еще шведомъ, а г. Майеръ, вѣроятно, самъ удивился бы, если-бы узналъ, что его считаютъ латышемъ. Во вся-

комъ случаѣ, мѣстные жители обоихъ этихъ лицъ считаютъ нѣмцами и заявляютъ, что, если они когда-либо и были ненѣмцами, то теперь они являются вполне онѣмечившимися личностями. До недавняго времени въ Курляндской губерніи лица другихъ національностей, кромѣ нѣмцевъ, на важнѣйшія полицейскія должности въ уѣздахъ не назначались; поэтому одинъ фактъ нахождения означенныхъ лицъ въ таковыхъ должностяхъ свидѣлствуетъ, что они были нѣмцами, если и не по происхожденію, то по своимъ воззрѣніямъ и направленію.

Еще интереснѣе то, что одного уѣзднаго начальника нѣмца, а именно барона Засса, авторъ брошюры очень расхваливаетъ, относя къ его заслугамъ то, что онъ «сынъ знаменитаго кавказскаго героя, соратника покойнаго Августѣйшаго Покорителя Кавказа Великаго Князя Михаила Николаевича, а самъ баронъ Зассъ имѣетъ за турецкую компанію, въ которой онъ участвовалъ въ составѣ Александрійскаго гусарскаго полка, знакъ военнаго отличія. Непокколебимое его вѣрноподданство и содѣйствіе всѣмъ начинаніямъ русскаго и православнаго дѣла въ Курляндской губерніи неоднократно отмѣчались не только Губернаторомъ, но и Высокопреосвященнымъ Іоанномъ, Архіепископомъ Рижскимъ и Митавскимъ». Очевидно, все это нужно было автору брошюры, чтобы оправдать нахождение въ то время барона Засса въ должности уѣзднаго начальника. Бѣда только въ томъ, что нѣмцы и съ такими заслугами, о которыхъ говоритъ авторъ брошюры, не годятся на болѣе или менѣе отвѣтственныхъ должностяхъ въ окраинныхъ мѣстностяхъ, болѣе или менѣе близкихъ къ германской или австрійской границамъ. Сама жизнь рано или поздно доказываетъ правильность этого положенія — и тогда означенныя лица должны сойти со сцены. Такъ случилось и съ г. барономъ Зассомъ, который теперь уже не состоитъ болѣе въ должности уѣзднаго начальника, а ушелъ въ отставку.

Здѣсь кстати указать на защиту авторомъ брошюры и другого барона, именно барона К. К. Цеге-фонъ-Мантейфеля, о которомъ авторъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «возможно, что баронъ Мантейфель для своихъ лѣсниковъ и заказалъ медали. Возможно даже, что на нихъ изобра-

женъ и одноглавый орелъ, возможно потому, что гербъ Мантейфеля имѣетъ одноглаваго орла, но этотъ гербъ въ установленномъ порядкѣ утверждать въ предѣлахъ Россіи и какіе-бы предметы своего частнаго обихода не украшали ими баронъ Карлъ Мантейфель, это не можетъ служить доказательствомъ его автономности и экстерриториальности». Въ брошюрѣ описывается и судъ курляндскихъ дворянъ надъ означеннымъ барономъ Мантейфелемъ: «Баронъ Мантейфель никакой популярностью среди курляндскихъ дворянъ не пользуется. Подтвержденіемъ этого можетъ служить тотъ фактъ, что Курляндское Дворянство, возмущенное поведеніемъ Мантейфеля, напечатавшаго въ 1906 году на открыткахъ свое стихотвореніе «Wacht im Ost» (воспроизведенное Ренниковымъ въ своей статьѣ, въ газетѣ «Новое Время» № 13852 отъ 4 октября с. г.), привлекло его къ отвѣтственности, но затѣмъ только, въ виду раскаянія Мантейфеля и признанія себя виновнымъ, ограничилось тѣмъ, что поставило ему этотъ возмутительный поступокъ на видъ, скупивъ, въ свою очередь, всѣ открытки, выпущенныя въ свѣтъ Мантейфелемъ и уничтоживъ ихъ». Далѣе авторъ брошюры говоритъ: «Существованіе у барона Мантейфеля печати мызной полиціи, какъ указано было въ одной изъ замѣтокъ газеты «Русское Слово», съ нѣмецкимъ текстомъ на одной сторонѣ и одноглавымъ прусскимъ орломъ на другой, администраціи не было извѣстно, такъ какъ такихъ печатей въ перепискѣ съ учрежденіями не встрѣчалось. Примѣненіе Мантейфелемъ на своихъ частныхъ печатяхъ одноглаваго орла не можетъ считаться преступленіемъ, такъ какъ одноглавый орелъ есть гербъ рода Мантейфель». Вся эта апологія барона Мантейфеля говоритъ сама за себя, такъ что поясненія здѣсь, собственно говоря, излишни. Указать можно развѣ на то, что одно дѣло одноглавый орелъ въ гербѣ, а совершенно другое — просто одноглавый орелъ, являющійся эмблемой прусскихъ королей.

И этому «подзащитному» автора брошюры не повезло. Какъ признаетъ и самъ авторъ брошюры, «послѣ объявленія войны баронъ Карлъ Мантейфель отстраненъ военнымъ начальствомъ отъ должности и высланъ на основаніи военного положенія. Эта мѣра доказываетъ, что присутствіе его въ предѣлахъ Курляндской губерніи во время военныхъ

дѣйствій оказалось недопустимымъ. Этотъ фактъ самъ по себѣ доказываетъ, что когда оказалось нужнымъ, къ барону Карлу Мантейфелю была примѣнена та мѣра, необходимость которой вызывалась его дѣйствіями и наступившими военными обстоятельствами. Но для всякаго, хотя-бы слегка знакомаго съ производствомъ дѣлъ по военному положенію, не можетъ не быть ясно, во-первыхъ, что къ принятію столь суровой мѣры послужило и обвиненіе соотвѣтственной важности, и, во-вторыхъ, что нѣтъ никакихъ основаній этимъ распоряженіемъ опорачивать нѣмецкое населеніе Курляндской губерніи вообще, а города Либавы въ частности». Да, военное начальство не судить такъ, какъ Курляндское дворянство или авторъ брошюры... Вообще всѣмъ тѣмъ, кого авторъ защищаетъ въ своей брошюрѣ, во время нынѣшней войны, вызвавшей нѣкоторую переоцѣнку цѣнностей, не повезло. Такая участь постигла какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и группы ихъ, напр., нѣмецкихъ колонистовъ и проч.

Имѣются въ брошюрѣ и совсѣмъ курьезныя объясненія и опроверженія. Къ числу такихъ относится опроверженіе статьи А. Ренникова о летавшихъ и замѣченныхъ въ Прибалтикѣ, въ частности, въ Курляндской губерніи, нѣмецкихъ аэропланахъ, помѣщенной въ № 13852 газеты «Нов. Вр.» отъ 4 октября 1914 г. Зная по опыту, что сообщенія мѣстныхъ жителей объ аэропланахъ въ нѣкоторыхъ кругахъ подвергаются сомнѣнію и даже высмѣиванію, г. Ренниковъ въ своей статьѣ говорилъ объ аэропланахъ въ шутовскомъ тонѣ: «что-же касается аэроплановъ съ сигнальными огнями, то мало-ли звѣздъ на небѣ, которыя можно принять за сигнальный огонь. Арктуръ, Капелла, Бетельгейзе, Ригель, Альдебрандъ... И кто можетъ поручиться, что невѣжественные латышскіе крестьяне не приняли за аэропланъ луну или Большую Медвѣдицу». Авторъ разсматриваемой брошюры свои опроверженія свѣдѣній объ аэропланахъ излагаетъ въ такомъ-же тонѣ, но уже въ серьезъ полагая такимъ способомъ убѣдить кого-то въ правильности сообщаемыхъ имъ «документальныхъ» свѣдѣній. По сообщенію автора брошюры, въ Гольдингенскомъ уѣздѣ одна крестьянка приняла за аэропланъ двухъ дикихъ лебедей, въ Добленскомъ уѣздѣ (въ этомъ случаѣ пророчество А. Ренникова

исполнилось) — звѣзду, въ Виндавскомъ уѣздѣ крестьяне видѣли, что «на поляхъ имѣній Зурсь, Тергельнъ и Дондангенъ спускались германскіе аэропланы, забирали скотъ и улетали съ нимъ на германскіе военные суда» и т. д. Въ такомъ-же родѣ авторъ относится къ свѣдѣніямъ газетъ о сигнализацияхъ, площадкахъ для спуска аэроплановъ и др. Этотъ способъ опроверженія легкій, но и недопустимый въ серьезной брошюрѣ. Онъ свидѣтельствуетъ о полнѣйшемъ нежеланіи автора отнестись серьезно къ явленіямъ, безразличнымъ съ точки зрѣнія защиты отечества и раскрытія некорректныхъ дѣйствій. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ нужно было лишь желаніе разслѣдовать дѣло и серьезно попытаться это сдѣлать — тогда не пришлось-бы вовсе непристойно иронизировать. Тогда, напр., несомнѣнно открылось-бы, что надъ полями имѣнія Зурсь дѣйствительно летали аэропланы и проч.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ опроверженія автора брошюры имѣютъ подъ собою нѣкоторую почву; это — тѣ случаи, когда въ газетахъ перепутаны имена или-же сдѣланы явныя неточности. Но не столь интересны сами по себѣ подобнаго рода случаи, сколь отношеніе къ нимъ автора брошюры. Ухватившись за какую-нибудь неточность, авторъ дѣлаетъ на основаніи ея какой-нибудь превыспренній выводъ. Примѣромъ можетъ служить опроверженіе отчета газеты «Вечернее Время» (№ 945 отъ 21-го ноября 1914 года) о докладѣ Члена Государственной Думы князя С. П. Мансырева на славянскомъ обѣдѣ въ Петроградѣ о разныхъ «чудесахъ» нѣмецкаго засилья въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Сотрудникъ названной газеты, вѣроятно, незнакомый съ мѣстными названіями Прибалтійскихъ губерній, перепуталъ въ своемъ отчетѣ нѣкоторые имена. Такъ, князь С. П. Мансыревъ говорилъ въ своемъ докладѣ объ имѣніи Гросъ-Элей, принадлежащемъ графу Меду, и о баронѣ Штемпель; у сотрудника-же газеты вмѣсто этого вышло — «графъ Эйлау» и «баронъ Штемпе». Это путаніе именъ сотрудникомъ газеты дало автору брошюры поводъ къ слѣдующему заявленію: «въ Курляндской губерніи нѣтъ ни графа Эйлау, ни барона Штемпе — что заставляетъ сомнѣваться въ достовѣрности тѣхъ документовъ, которыми располагаетъ князь Мансыревъ». Далѣе, князь С. П. Ман-

сыревъ говорилъ въ своемъ докладѣ объ инцидентѣ латыша, учителя Маршана, съ младшимъ помощникомъ уѣзднаго начальника барономъ Фитингофъ-Шелемъ на станціи Ремерсгофъ, Лифляндской губерніи, и объ општрафованіи за это учителя Маршана 2-мѣсячнымъ арестомъ Лифляндскимъ губернаторомъ. По отчету-же сотрудника газеты «Веч. Вр.» выходитъ, что случай этотъ имѣлъ мѣсто въ Курляндской губерніи и штрафъ на учителя Маршана наложенъ бывшимъ Курляндскимъ губернаторомъ С. Д. Набоковымъ. Эта неточность сотрудника газеты дала поводъ автору брошюры заявить слѣдующее: «случай, когда губернаторъ општрафовалъ латыша трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ за протестъ противъ анти-патріотической рѣчи барона Фитингофъ-Шеля, губернатору Набокову неизвѣстенъ. За все время войны не было ни одного случая, съ которымъ хотя-бы по отдаленному сходству можно было связать это измышленіе».

II.

Переходимъ къ разсмотрѣнію главной части брошюры—приложеніямъ первому, пятому и девятому.

Обычно во всѣхъ книгахъ и брошюрахъ примѣняется такой порядокъ, что основныя положенія высказываются въ основномъ текстѣ, а приложенія служатъ лишь поясненіемъ послѣдняго. Въ данномъ-же случаѣ приложенія первое, пятое и девятое составляютъ суть всей брошюры. Эти приложенія, главнымъ образомъ, и предназначены къ тому, чтобы оправдать политику и образъ дѣйствій бывшаго Курляндскаго губернатора С. Д. Набокова, по возможности защитить и обфлиить нѣмцевъ и по мѣрѣ силъ и разумнія очернить латышей. Что этотъ выводъ не ошибоченъ, покажетъ послѣдующее изложеніе.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Въ первой части этого приложенія «опровергаются» сообщенія газетъ о преобладаніи въ Курляндской губерніи нѣмцевъ въ должностяхъ полицейскихъ и чиновническихъ, о служащихъ нѣмцахъ-иностранцахъ въ имѣніяхъ нѣмец-

кихъ курляндскихъ помѣщиковъ, о числѣ нѣмецкихъ семей, члены которыхъ служатъ въ германской арміи и т. д. Этихъ вопросовъ мы коснулись уже въ предыдущемъ изложеніи; поэтому здѣсь мы остановимся лишь на второй части этого приложенія.

Эта вторая часть перваго приложенія посвящена доказательству того, что «принятыми Курляндскимъ Губернаторомъ С. Д. Набоковымъ мѣрами онъ не оттолкнулъ той части населенія, которая можетъ служить опорой правительственной власти». Авторъ доказываетъ это положеніе слѣдующими данными.

1) Когда С. Д. Набоковъ, какъ предсѣдатель мѣстнаго Управленія Краснаго Креста, опубликовалъ, что и мѣстное Управленіе принимаетъ пожертвованія для устройства лазарета и для нуждъ, вызываемыхъ войною, то населеніе Курляндской губерніи отозвалось присылкой пожертвованій деньгами и вещами. Благодаря этому: «въ настоящую минуту Управленіе, неимѣвшее при объявленіи войны ни одной копѣйки, располагаетъ суммой 96,000 рублей и инвентаремъ на 210 кроватей, которыя и предоставлены въ распоряженіе Главнаго Управленія Краснаго Креста».

2) «Получивъ въ Митаву гуртъ въ 1000 головъ скота, предназначенный интендантствомъ на мѣстную консервную фабрику, Губернаторъ организовалъ дойку коровъ женами запасныхъ и ратниковъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ получали молоко даромъ, а излишекъ перерабатывался въ масло и чтобы вырученныя отъ продажи деньги шли на нужды войны. Для веденія всего этого дѣла Губернаторомъ было приглашено латышское Митавское Экономическое Общество, учрежденіе, имѣющее нѣсколько сотъ тысячъ рублей оборота, причемъ представители его, согласно указанію Губернатора, чистую прибыль употребляли по указанному назначенію. 27 августа представитель общества принесъ С. Д. Набокову первыя вырученныя деньги и на его заявленіе, что ихъ слѣдуетъ передать Латышскому Обществу, которое нуждается въ средствахъ для устройства общаго лазарета, отвѣтилъ категорическимъ отказомъ и требованіемъ, чтобы эти деньги оставались въ его вѣдѣніи».

3) Въ Курляндской губерніи начался притокъ по-

жертвованій на нужды арміи и зерномъ, причемъ «эти жертвы также направляются въ распоряженіе Губернатора».

Изложивъ эти три пункта доказательствъ, авторъ брошюры выводитъ заключеніе, что такъ какъ «никто не склоненъ отдавать свои деньги тому, кому онъ не довѣряетъ, въ перечисленныхъ выше трехъ обстоятельствахъ довольно вѣское доказательство того, что С. Д. Набоковымъ ничего не сдѣлано такого, что отвращало-бы благонадежное латышское населеніе отъ правительственной власти, а наоборотъ это населеніе питаетъ къ нему самыя лучшія чувства». Это заключеніе автора брошюры неправильно, такъ какъ совершенно не соотвѣтствуетъ положеннымъ въ основаніе его посылкамъ. То обстоятельство, что пожертвованія населенія Курляндской губерніи на нужды арміи или вообще для нуждъ, вызываемыхъ войною, шли чрезъ С. Д. Набокова, еще не означаетъ особаго расположенія или любви къ послѣднему. Едва-ли эти пожертвованія были-бы меньшими, если-бы предсѣдателемъ мѣстнаго Управленія Краснаго Креста было другое лицо. Многіе жертвователи, въ томъ числѣ и нѣкоторыя юридическія лица, вовсе не знали, кто является предсѣдателемъ мѣстнаго Управленія Краснаго Креста; они жертвовали просто Красному Кресту, безотносительно къ какимъ-либо отдѣльнымъ лицамъ. Да и самъ авторъ брошюры дальнѣйшимъ изложеніемъ опровергаетъ правильность своего заключенія о какомъ-то довѣріи. Онъ говоритъ, что «среди жителей нѣкоторыхъ волостей, какъ, напримѣръ, Добленской, С. Д. Набоковъ не пользуется популярностью» и что въ Курляндской губерніи такихъ волостей, какъ Добленская, къ сожалѣнію, немало.

Указанная во второмъ пунктѣ доказательствъ дойка коровъ свидѣтельствуетъ только о томъ, что коровы эти, до убоя, были надлежащимъ образомъ использованы.

Оканчивается первое приложеніе защитой правоты гдѣ-то высказаннаго заключенія С. Д. Набокова, что «одно изъ опоръ Русской Правительственной власти слѣдуетъ считать Русское Курляндское Дворянство нѣмецкаго происхожденія». Не имѣя возможности, по обстоятельствамъ времени, подробнѣе касаться этого вопроса, мы должны, однако, замѣтить, что масса фактовъ, раскрывшихся во время

нынѣшней войны, едва ли подтверждаетъ указанное заключеніе автора брошюры, а равно и С. Д. Набокова.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5.

Въ этомъ приложеніи, въ связи съ приложеніями шестымъ и седьмымъ, содержащими въ себѣ выписи въ переводѣ (кстати сказать, переводъ этотъ сдѣланъ очень скверно) изъ протоколовъ схода выборныхъ Ранкенской волости, Курляндской губерніи, отъ 24-го марта и 30-го мая 1914 года, авторъ брошюры стремится доказать, что «если съ точки зрѣнія проведенія въ Курляндской губерніи начальъ Русской Государственности не слѣдуетъ ожидать содѣйствія со стороны нѣмецкаго населенія, то со стороны латышскаго населенія такого содѣйствія слѣдуетъ ожидать еще меньше». Въ подтвержденіе этого своего положенія авторъ приводитъ то, что «большинство волостей Курляндской губерніи отказалось отъ присоединенія къ Министерской школьной сѣти изъ опасенія, что Правительство, принявъ на себя расходы по содержанію начальныхъ школъ, воспользуется этимъ, чтобы ввести въ болѣшихъ размѣрахъ преподаваніе на государственномъ языкѣ».

При ближайшемъ разсмотрѣніи содержанія указанныхъ трехъ приложеній оказывается, что авторъ дѣлаетъ заключенія, неоправдываемыя тѣми документами, на которые онъ ссылается. Изъ постановленій сходоу волостныхъ выборныхъ вовсе не вытекаетъ то заключеніе, которое дѣлаетъ изъ нихъ авторъ брошюры. И странно то, что и самъ авторъ своими дальнѣйшими разсужденіями это подтверждаетъ. Заявляя, что «въ настоящее время поступили отъ Комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ вѣдомости по означенному предмету», авторъ брошюры, вѣроятно, просмотрѣвшій эти вѣдомости, выводитъ изъ нихъ заключеніе, что «большинство приговоровъ не мотивировано вовсе, другіе мотивированы нежеланіемъ упустить изъ своихъ рукъ учебное дѣло. Но изъ прилагаемаго при семъ въ копіи приговора схода выборныхъ Ранкенской волости можно видѣть, какія соображенія полагаются въ основаніе отказа отъ присоединенія къ школьной сѣти». Такимъ образомъ, со словъ самого автора брошюры выходитъ, что только по-

становленія схода выборныхъ Ранкенской волости подтверждаютъ его заключеніе. Желая, однако, послѣднее чѣмъ-нибудь обосновать, авторъ ссылается далѣе уже не на документы, не на постановленія сходовъ волостныхъ выборныхъ, т. е. не на то, какъ рѣшили дѣло эти выборные и чѣмъ они руководились при принятіи извѣстнаго постановленія, а на мнѣніе одного, подчиненнаго губернатору, чиновника-комиссара по крестьянскимъ дѣламъ: «по заявленію Комиссара по крестьянскимъ дѣламъ Гольдингенскаго уѣзда», говоритъ авторъ брошюры, «губернскаго секретаря Красовскаго, русскаго, уроженца Орловской губерніи и глубоко-преданнаго своей Родинѣ человѣка, эти-же основанія послужили къ отказу во всѣхъ волостяхъ, не пожелавшихъ присоединиться». Такой способъ доказыванія очень легокъ и простъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ высшей степени негоденъ. Если при доказываніи извѣстнаго положенія игнорировать факты и опираться только на мнѣніе какого-нибудь лица, то ничего нѣтъ на свѣтѣ такого, чего нельзя было-бы доказать въ желательномъ для доказывающаго напрасленіи.

Но и постановленія схода выборныхъ Ранкенской волости по содержанію своему едва-ли подтверждаютъ выводы автора брошюры.

24-го марта 1914 года сходъ выборныхъ Ранкенской волости постановилъ не присоединяться къ школьной сѣти изъ опасенія, что по присоединеніи послѣдуетъ: «1) дальнѣйшее ограниченіе или лишеніе употребленія разрѣшеннаго по закону родного языка въ волостныхъ училищахъ, тогда дѣти словомъ сказать ничего-бы не изучили и даже государственнаго языка, 2) ограниченіе или же лишеніе права избранія разрѣшеннаго закономъ волостнымъ обществомъ кандидатовъ на должность учителей и 3) ограниченіе или же лишеніе всѣхъ другихъ закономъ предоставленныхъ волостному обществу въ отношеніи училища правъ, ибо тогда членамъ схода выборныхъ приходится слыжать основанные упреки и поэтому они по совѣсти не могутъ принять отвѣтственность на себя». Слѣдовательно, причинъ отказа отъ присоединенія къ школьной сѣти было нѣсколько, а не одна только, какъ заявляетъ авторъ брошюры, а съ другой стороны—въ отношеніи преподаванія въ волостной

школъ сходъ выборныхъ шелъ не противъ русскаго языка, о которомъ онъ даже говорилъ въ мотивахъ къ своему постановленію, что «само собою понятно, что государственнй языкъ изучаемъ для пользы каждаго самого», а боялся ограниченія употребленія въ училищахъ родного языка. Изъ дополнительнаго-же постановленія схода выборныхъ отъ 30-го мая 1914 года видно, что во второй разъ сходъ выборныхъ не нашелъ возможнымъ присоединеніе къ школьной сѣти, «пока не будутъ основательно разъяснены» какъ вопросы, означенные въ постановленіи схода отъ 24-го марта того же года, такъ и то, какія права въ отношеніи волостного училища пожелаетъ имѣть казна, какъ участница въ содержаніи училища. Ясно, такимъ образомъ, что сходъ выборныхъ, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду существующія права волостныхъ обществъ въ отношеніи содержимыхъ ими волостныхъ училищъ и боялся умаленія этихъ правъ. И это вполне понятно, если принять во вниманіе, что въ Прибалтійскихъ губерніяхъ содержаніе волостныхъ училищъ лежитъ исключительно на крестьянскихъ волостныхъ обществахъ, а крупное, помѣщичье землевладѣніе въ этихъ расходахъ не участвуетъ и равнымъ образомъ на содержаніе этихъ училищъ ничего не отпускается и изъ казенныхъ или земскихъ средствъ. Въ виду этого волости привыкли къ своимъ училищамъ, дорожатъ ими и будутъ дорожить, вполне понимая и сознавая ихъ значеніе для своего образованія. И если вообще въ крестьянскомъ быту всякое новшество принимается очень осторожно, обыкновенно лишь послѣ того, какъ вполне обнаружилась полезность его, то тѣмъ болѣе крестьяне берегутъ свои школы и опасаются ухудшенія ихъ и умаленія своихъ правъ по отношенію къ нимъ.

Однако авторъ брошюры, какъ видно изъ послѣдующаго ея изложенія, боится не столько за судьбы преподаванія въ волостныхъ училищахъ Прибалтійскихъ губерній русскаго языка, сколько «латышскаго самоуправленія». Вышеуказанныя постановленія схода выборныхъ Ранкенской волости наводятъ автора на «печальную мысль о вѣроятности полной потери латышской окраины съ точки зрѣнія Русской Государственности, въ случаѣ, если мѣстное самоуправленіе станетъ чисто латышскимъ». Но авторъ, вѣроят-

но, не принявъ во вниманіе, что существующее въ Прибалтійскомъ краѣ крестьянское самоуправленіе, поскольку его этимъ именемъ можно назвать, введено здѣсь уже въ 1866 году. Въ латышской части этихъ губерній это самоуправленіе есть латышское, потому что здѣсь крестьяне принадлежатъ къ этой національности. Но вслѣдствіе этого никакого ущерба для русской государственности не послѣдовало, такъ какъ латыши являются преданными сынами своего отечества—Россіи и даже по признанію самого автора брошюры «простой латышскій народъ... въ настоящее время проявляетъ истинный патріотизмъ». Истинные-же друзья и приверженцы узнаются лучше всего именно въ минуты несчастій и испытаній. Латышская окраина и въ томъ случаѣ, если-бы самоуправленіе—не только крестьянское, но и общеземское—здѣсь стало «чисто латышскимъ», будетъ гордиться своею принадлежностью къ Россіи и защищать ее всѣми силами, «искренно исполняя свои обязанности вѣрноподданныхъ, безпрекословно неся безчисленныя жертвы на благо Государства».

ПРИЛОЖЕНІЕ 9.

Это приложеніе, по содержанію своему, самая важная часть всей брошюры, почему на немъ мы считаемъ нужнымъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Для удобства, чтобы не повторять постоянно въ своихъ разсужденіяхъ содержанія этого приложенія, слѣдовало-бы изложить параллельно текстъ приложенія и разсужденія по содержанію его. Однако, это представляется невозможнымъ потому, что авторъ брошюры во многихъ мѣстахъ приложенія отзывался оскорбительно и даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ. Вслѣдствіе этого, при разсмотрѣніи содержанія девятаго приложенія, мы будемъ держаться такого же порядка, какъ и въ предыдущемъ изложеніи.

По формѣ своей и это приложеніе довольно бесистемно. Авторъ не желаетъ или не умѣетъ разсмотрѣть возбужденный имъ вопросъ до конца, чтобы черезъ нѣ-

сколько строкъ снова къ нему не возвращаться. Напр., о латышской «націоналистически-революціонно настроенной интеллигенціи» авторъ говоритъ въ трехъ мѣстахъ приложенія, отчасти повторяясь и перепутывая этотъ вопросъ съ другими, вмѣсто того, чтобы сразу разсмотрѣть его окончательно.

Начинается девятое приложеніе выпадомъ по отношенію къ газетѣ «Новое Время». Авторъ говоритъ: «со времени объявленія войны въ газетѣ «Новое Время» началась систематическая травля нѣмецкаго населенія Курляндской губерніи и, главнымъ образомъ, дворянъ, какъ представителей крупнаго землевладѣнія. До настоящаго времени однимъ изъ принциповъ Государственнаго управленія не только въ окраинныхъ губерніяхъ, но и во всей Имперіи было поддержаніе крупнаго землевладѣнія и дворянскаго сословія. Этотъ принципъ, въ числѣ другихъ, Правительственной власти приходилось поддерживать вооруженной силой въ годы смуты». Не желая вовсе выступать въ качествѣ защитника газеты «Новое Время», мы, однако, считаемъ нужнымъ сказать, какое впечатлѣніе произвелъ на насъ рядъ замѣтокъ А. Ренникова подъ заглавіемъ «Въ странѣ чудесъ». Мы въ ихъ содержаніи усмотрѣли не «травлю» нѣмецкаго населенія Курляндской или какой-либо другой губерніи и даже не нападки на нѣмцевъ только потому, что они нѣмцы. Намъ казалось и кажется, что газета «Нов. Вр.», въ общемъ, боролась противъ архаическаго привилегированнаго положенія нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ, противъ ихъ дѣятельности, небезразличной съ государственной точки зрѣнія и, въ особенности, противъ случаевъ некорректныхъ дѣйствій во время нынѣшней войны. Поэтому, напрасно авторъ далѣе заявляетъ, что газету «Нов. Вр.» за инсинуацію слѣдовало-бы привлечь къ отвѣтственности и, что особенно интересно, не къ отвѣтственности уголовной, а административной. Уже это одно показываетъ, что съ доказательствомъ виновности газеты дѣло обстоитъ не такъ просто и легко.

Далѣе авторъ брошюры переходитъ къ латышской „націоналистически - революціонно настроенной интеллигенции и полуинтеллигенціи“ Курляндской губерніи. По заявленію автора, эта интеллигенція и полуинтеллигенція, „подвинувшая

чернь на погромы, поджоги и убійства и подставившая ее подъ выстрѣлы“, во время нынѣшней войны, „для достиженія своей цѣли“ (?), стремилась „разъединить Правительственную власть съ консервативнымъ населеніемъ вообще, а дворянскимъ землевладѣніемъ въ особенности“, для чего старалась воспользоваться каждымъ отдѣльнымъ поводомъ, чтобы скомпрометировать всѣхъ нѣмцевъ и, во-вторыхъ, поставить себя на необыкновенную высоту въ смыслѣ патріотизма. И „почва въ это время представилась весьма благодарною: съ одной стороны, война съ Германіей, долженствующая разрѣшить многовѣковое соперничество въ Европѣ славянства съ германизмомъ, вызвала въ славянскомъ населеніи Имперіи небывалый подъемъ націоналистическихъ чувствъ; съ другой стороны, нѣмецкое население Прибалтійскихъ губерній, въ жилахъ котораго течетъ не славянская, а нѣмецкая кровь и котораго сама душа устроена иначе, какъ у славянъ, органически не могло ощутить тѣхъ душевныхъ движеній, которыя вдохновили подданныхъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, русскихъ по происхожденію“. Инородцы и иновѣрцы, неправославнаго и нерусскаго происхожденія, кто-бы они ни были, „могутъ искренно исполнять свои обязанности вѣрно-подданныхъ, безпрекословно нести безчисленныя жертвы на благо Государства, но къ истинному русскому націонализму они могутъ только подмазаться, а не присоединиться“, ибо имъ „чуждъ главный принципъ Царскаго Самодержавія—Божій Помазанникъ“. „Вотъ это подмазаніе и предприняла латышская интеллигенція“, и что у нея „націонализмъ фальшивый—сейчасъ-же и обнаружилось: начало военныхъ дѣйствій съ Турціей не произвело на латышей никакого впечатлѣнія и оно прошло въ Курляндской губерніи абсолютно незамѣченнымъ, потому что турки не нѣмцы, съ которыми латыши ведутъ свою особую борьбу“. А борьба эта ведется, чтобы изъ Курляндской губерніи, южной части Лифляндской и сѣверной части Ковенской губерній образовать „Великую Латвію“.

Въ другомъ мѣстѣ разсматриваемаго приложенія авторъ брошюры говоритъ просто о „латышскихъ націоналистахъ“, которые „подвинули чернь на уничтоженіе Царскихъ Портретовъ, на поджоги и грабежи“ и которые въ то время, какъ „простой латышскій народъ въ настоящее время прояв-

ляетъ истинный патріотизмъ“, „этотъ простой и искренній патріотизмъ записываютъ на *debit* русскаго Правительства и со временемъ этотъ счетъ предъявятъ ко взысканію въ такой формѣ, которая русской Государственности соотвѣтствовать не будетъ“.

Такова тирада разсужденій автора брошюры, имѣющихъ цѣлью сокрушить латышскую интеллигенцію. Въ началѣ этихъ разсужденій авторъ пытался обвинять весь латышскій народъ въ томъ, что онъ „подмазывается“ и что патріотизмъ его фальшивый, но потомъ все-же долженъ былъ признать, что „простой латышскій народъ проявляетъ истинный патріотизмъ“. Но въ дѣйствительности-ли латышская интеллигенція повинна въ тѣхъ дѣяніяхъ, въ которыхъ обвиняетъ ее авторъ брошюры, и дѣйствительно-ли она держится въ настоящее время приписываемаго ей іезуитскаго образа дѣйствій?

Говоря объ уничтоженіи Царскихъ Портретовъ, о поджогахъ, грабежахъ и убійствахъ, авторъ брошюры, повидимому, намекаетъ на смутныя времена 1905—1906 годовъ, когда дѣйствительно наблюдались подобнаго рода эксцессы. Но если авторъ и въ настоящее время, по истеченіи почти десяти лѣтъ со времени движенія 1905 года, думаетъ, что на означенные эксцессы кого-бы то ни было подвинули латышскіе націоналисты или латышская націоналистически-настроенная интеллигенція*), то онъ этимъ обнаруживаетъ, что онъ не понималъ означеннаго движенія въ свое время и вичему не научился и даже не попытался научиться, несмотря на истеченіе значительнаго промежутка времени. Иначе авторъ долженъ былъ-бы споткнуться о такіе факты, когда во время движенія 1905 — 1906 годовъ пострадавшими являлись именно латышскіе націоналисты или когда во время происходившихъ въ 1905 году митинговъ латышскіе націоналисты, пробовавшіе говорить съ трибуны, были освистываемы и чуть не изгоняемы

*) Подъ словами «латышскіе націоналисты» или «латышская націоналистически настроенная интеллигенція» авторъ брошюры понимаетъ не сторонниковъ какой-либо политической партіи, а всѣхъ лицъ латышской національности, признающихъ себя латышами. Въ виду этого и нами означенные термины употребляются въ такомъ же обширномъ смыслѣ.

изъ собранія. Мало того, латышская націоналистически настроенная интеллигенція была единственнымъ кругомъ лицъ, которыя во время движенія 1905 — 06 годовъ не потеряли головы и пытались бороться съ агитаторами и противодѣйствовать возможности разныхъ эксцессовъ. Въ то время, какъ всѣ мѣстныя правительственныя власти, въ буквальномъ смыслѣ слова, бездѣйствовали и находились въ состояніи полнѣйшей растерянности, латышскіе націоналисты вездѣ, какъ въ городахъ, такъ и въ сельскихъ мѣстностяхъ, пытались предотвратить нежелательные эксцессы и содѣйствовать успокоенію. И нужно сказать, что благодаря такому образу дѣйствій латышскихъ націоналистовъ много имѣній осталось нетронутыми, много помѣщичьихъ усадебъ несожженными и много церквей неоскверненными. Если-же въ означенной своей дѣятельности латышскіе націоналисты не достигли полнаго, желательнаго имъ успѣха, то это зависѣло отъ ихъ неорганизованности. Они не смогли и не сумѣли сразу, при наступленіи смутныхъ дней, организовать, чтобы общими силами бороться противъ нежелательныхъ явленій.

Даже такое сочетаніе словъ, какъ „націоналистически-революціонный“, по существу неправильно. Движеніе 1905-06 годовъ было, вѣдь, не національное латышское, ибо оно было не только мѣстное въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, а общее во всей Россійской Имперіи, и главными его вожаками были лица космополитическаго направленія, такъ какъ и однимъ изъ главныхъ его девизовъ было: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

Всею прошедшею историческою судьбою своею латыши приучены быть вовсе не революціонерами, а воспитаны въ уваженіи къ авторитету и властямъ. Доказательствомъ этого служить хотя-бы то, что въ этомъ качествѣ упрекали въ 1905 — 06 годахъ латышей въ своихъ воззваніяхъ и рѣчахъ дѣйствительные революціонеры.

Улучшенія своего положенія, вообще реформъ латыши приучены ждать извнѣ. Во время крѣпостной зависимости, которая въ Прибалтійскихъ губерніяхъ мало чѣмъ отличалась отъ полнаго рабства, латышамъ оставалось лишь полагаться на милость своего господина—помѣщика-нѣмца, такъ какъ никакой управы противъ него нигдѣ нельзя было ни добиться,

ни даже домогаться. Пасторы-нѣмцы постоянно проповѣдывали своимъ пасомымъ изъ мѣстныхъ коренныхъ жителей, что каждый человѣкъ долженъ оставаться въ томъ состояніи, въ которомъ онъ родился, такъ какъ оно предназначено ему Богомъ. Домогаться другого, стараться выйти изъ стараго состоянія, улучшить свое положеніе—это грѣхъ. Эту проповѣдь пасторовъ силою поддерживали помѣщики, твердо и безжалостно накладывая свою руку на неокоренныхъ. Благодаря такому полному согласію и единенію духовной и свѣтской властей, крестьянину-латышу пришлось твердо себѣ усвоить полнѣйшую покорность, повиновеніе и подчиненіе, каковыя качества постепенно внѣдрялись и въ потомствѣ. Родители завѣщевали эти качества, какъ житейскую мудрость, дѣтямъ, которымъ кромѣ того и на опытъ приходилось убѣждаться въ необходимости и полезности ихъ. Такимъ твердымъ усвоеніемъ и внѣдреніемъ означенныхъ качествъ объясняется, между прочимъ, сравнительная рѣдкость крестьянскихъ беспорядковъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, несмотря на весьма тяжелое положеніе здѣсь крестьянъ. Только въ моменты, когда силы человѣческія отказывались выносить непосильный гнетъ, крестьянинъ-латышъ, который и по природѣ своей весьма флегматиченъ, выражалъ недовольство, иногда переходившее въ извѣстныя дѣйствія. Но и въ такихъ случаяхъ взоры его искали кого-то высшаго, болѣе сильнаго, кто-бы могъ защитить его отъ жестокаго притѣснителя. Естественнo мысль крестьянина неслась къ Монарху и правительству, бывали даже попытки подавать прошенія, но эти попытки большею частью оканчивались ничѣмъ. Благодаря культивировавшейся среди крестьянъ системѣ доносовъ, попытки эти становились извѣстными помѣщикамъ и ими радикальнѣйшими способами пресѣкались, причемъ инициаторы попытокъ всегда жестоко поплачивались. Когда-же недовольство крестьянъ иногда все-же становилось извѣстнымъ властямъ, помѣщики прибѣгали къ обычному, испытанному приему—обвиненію крестьянъ въ революціонныхъ стремленіяхъ. Къ сожалѣнію, этотъ приемъ обыкновенно имѣлъ успѣхъ въ глазахъ власть имущихъ и крестьянамъ въ своихъ надеждахъ на защиту болѣе сильнаго приходилось разочаровываться. Тѣмъ не менѣе безслѣдно означенныя попытки не

проходили: крестьяне чувствовали, что ихъ безконтрольный владыка — помѣщикъ въ извѣстномъ отношеніи все-же уязвимъ, ибо боится простой гласности. Это вселяло въ крестьянахъ надежду на улучшеніе ихъ положенія въ будущемъ.

Мало чѣмъ измѣнилось положеніе Прибалтійскихъ крестьянъ и по освобожденіи ихъ въ первой четверти XIX в. отъ крѣпостной зависимости, такъ какъ это освобожденіе было лишь личное, безъ земли. Свободный договоръ, который былъ данъ крестьянину вмѣсто земельного надѣла, оказался свободнымъ только для помѣщика, а крестьянъ онъ ставилъ въ такое-же подчиненіе помѣщику, какъ и раньше. Только потомъ, когда русское общество и русское правительство стали обращать больше вниманія на Прибалтійскую окраину, начало улучшаться положеніе крестьянъ и среди коренныхъ жителей стали возникать и другія сословія—горожанъ, торговцевъ и проч. Разумѣется, мѣстные жители чувствовали, откуда идетъ улучшеніе ихъ положенія, и проникались чувствомъ благодарности къ русскимъ государямъ и къ русскому правительству, надѣясь и вѣря въ дальнѣйшее улучшеніе. Введенныя затѣмъ реформы — волостного общественнаго управленія, полицейская, судебная и проч. — еще болѣе убѣдили мѣстныхъ жителей въ томъ, что всякое улучшеніе ихъ положенія имъ надо ждать только отъ Россіи. А для того, чтобы склонить правительство къ введенію реформъ, нужно его просить объ этомъ, подавать прошенія, петиціи и проч., а силой, принужденіемъ здѣсь ничего достигнуть нельзя. Если по отношенію къ угнетателю—нѣмецкому помѣщику принужденіе ничего не помогало, то тѣмъ болѣе это средство недействительно по отношенію къ правительству. Такая точка зрѣнія коренныхъ жителей Прибалтійскихъ губерній, конечно, исключала особенную склонность ихъ къ революціоннымъ дѣйствіямъ.

Намъ, конечно, могутъ возразить, что въ движеніи 1905—1906 годовъ, которое несомнѣнно носило революціонный характеръ, принимали участіе и мѣстные жители; были пришлые агитаторы, но безъ народныхъ массъ они ничего не могли-бы сдѣлать. На это необходимо отвѣтить, что въ сельскихъ мѣстностяхъ Прибалтійскихъ губерній движеніе

носило почти исключительно аграрный характеръ. Правда, прѣѣзжіе агитаторы пытались и въ сельскихъ мѣстностяхъ создать дѣйствительно революціонное движеніе, но это имъ не удалось. За исключеніемъ смѣщенія въ волостяхъ волостныхъ правленій и замѣны ихъ такъ называемыми распорядительными комитетами, ничего другого революціоннаго въ чисто сельскихъ мѣстностяхъ не было совершено. Но и это смѣщеніе совершалось не самими волостями, а на митингахъ прѣѣзжими агитаторами и кучкою ихъ сообщниковъ. Выборы-же распорядительныхъ комитетовъ, какъ показали судебные процессы, происходили на этихъ-же митингахъ такимъ образомъ, что выкрикивалось извѣстное количество фамилій, обладатели которыхъ, подъ угрозой бойкота, сожженія имущества и проч., считались избранными. Вслѣдствіе этого большинство лицъ было избираемо противъ ихъ воли и въ ихъ отсутствіи. Съ другой стороны, интересенъ былъ тотъ фактъ, что агитаторы не наблюдали за тѣмъ, чтобы во вновь избираемые распорядительные комитеты попадали непремѣнно лица извѣстнаго паправленія, извѣстныхъ взглядовъ; для нихъ, повидимому, было важно лишь смѣщеніе прежнихъ волостныхъ правленій. Вслѣдствіе этого зачастую выходило, что вновь избранные распорядительные комитеты не занимались ничѣмъ другимъ, какъ только исполненіемъ обязанностей волостныхъ правленій (собираніемъ установленныхъ сборовъ и податей, производствомъ законныхъ расходовъ и под.), такъ что законнымъ сходамъ волостныхъ выборовныхъ, по полученіи возможности вновь исполнять свои обязанности, не оставалось ничего иного, какъ признать дѣятельность распорядительныхъ комитетовъ по расходованію волостныхъ суммъ правильною. Таковою была, напр., дѣятельность распорядительнаго комитета Юнгфернской волости, Рижскаго уѣзда, какъ это выяснилось на судебномъ процессѣ.

Что въ сельскихъ мѣстностяхъ Прибалтійскихъ губерній движеніе 1905—1906 годовъ было почти исключительно аграрнымъ, показываетъ хотя-бы тотъ фактъ, что почти ни одинъ митингъ не обходился безъ обсужденія аграрнаго вопроса или связанныхъ съ нимъ вопросовъ о привиллегіяхъ дворянскихъ имѣній, о дорожной повинности, правахъ охоты и рыбной ловли и проч. Если руководители митинговъ—агитаторы иногда и не желали обсужденія этихъ вопросовъ,

то. въ виду настояній мѣстныхъ жителей, должны были уступать и включать означенные вопросы въ очередь дня. Иногда-же, съ цѣлью привлеченія на митинги народа, агитаторами-ораторами заранѣе объявлялось, что будетъ обсуждаться земельный вопросъ. А для крестьянъ земельный вопросъ самый существенный изъ всѣхъ, альфа и омега ихъ мечтаній и стремленій.

Въ городахъ, мѣстечкахъ и даже въ нѣкоторыхъ болѣе населенныхъ сельскихъ мѣстностяхъ, по типу своему близко подходящихъ къ мѣстечкамъ, движеніе 1905—1906 годовъ имѣло уже политическій характеръ, съ интернаціональнымъ оттѣнкомъ. Во главѣ движенія здѣсь находились социалисты-демократы разныхъ національностей, которые въ указанные годы представляли изъ себя единственную организованную партію и вполнѣ терроризовали всѣхъ остальныхъ. Города-же и мѣстечки высылали и агитаторовъ и митинговыхъ ораторовъ въ сельскія мѣстности.

Сильно ошибается авторъ брошюры, если онъ добросовѣстно полагаетъ, что погромы, поджоги, убійства и уничтоженіе Царскихъ Портретовъ въ сельскихъ мѣстностяхъ совершала „чернь“ или простой народъ. Если-бы это было такъ, то виновниковъ этихъ преступленій было-бы легко найти, ибо тогда мѣстные жители и мѣстная власть ихъ знали-бы и указали впослѣдствіи, при дознаніи или слѣдствіи, властямъ. Кромѣ того, и судебные процессы выясняли, что совершителями означенныхъ преступленій обычно были чужіе, пріѣзжіе люди, одѣтые по городскому и непохожіе на крестьянъ. Конечно, въ нѣкоторыхъ погромахъ и поджогахъ принимали участіе и мѣстные жители, а равно—нѣкоторые поджоги и погромы были совершены въ связи съ аграрнымъ движеніемъ. Но такіе случаи были скорѣе исключеніемъ и общей картины не мѣняютъ. Обычными совершителями этихъ преступленій, а равно совершителями убійствъ и уничтоженія Царскихъ Портретовъ были люди пришлые, чужіе деревнѣ. Уничтоженіемъ Царскихъ Портретовъ эти лица имѣли въ виду во время безпорядковъ показать деревнѣ, что нѣтъ болѣе прежней власти, прежнихъ авторитетовъ, а единственною властью являются они, ихъ организація.

Наконецъ, нельзя упустить изъ виду, что многое въ движеніи 1905—06 годовъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ,

въ особенности нѣкоторые эксцессы этого движенія, произошли подъ вліяшемъ тѣхъ элементовъ, кои властями признавались вполне благонадежными. Много вреда и много разныхъ эксцессовъ вызвали своими дѣйствіями, напр., такъ называемые „почетные“ полицейскіе. Съ цѣлью якобы бороться съ революціей, уже въ 1904 году, а въ особенности въ 1905, многіе мѣстные нѣмецкіе помѣщики поступили на полицейскую службу въ сельскихъ мѣстностяхъ. Такъ какъ эти лица обычно поступали на службу безъ жалованья и сверхъ штата, то имъ было присвоено названіе „почетныхъ полицейскихъ“. Дѣятельность послѣднихъ, а равно и нѣкоторыхъ постоянныхъ полицейскихъ чиновъ нѣмецкой національности, была таковою, что можетъ и на будущее время служить образцомъ того, какъ не должны вести себя полицейскіе по отношенію къ обывателямъ. Дѣятельность эта была проникнута особою жестокостію, на подобіе той, какую проявляютъ въ нынѣшнюю войну германскіе нѣмцы. Напр., извѣстны случаи, когда эти полицейскіе дѣлали по ночамъ набѣги на крестьянскія усадьбы, забирали извѣстныхъ, неприятныхъ имъ лицъ и, вывезши ихъ на извѣстное разстояніе отъ усадьбы, привязывали къ дереву и жестоко сѣкли. Такъ поступалъ, напр., младшій помощникъ Рижскаго уѣзднаго начальника фонъ-Нетерсонъ и др. Неудивительно поэтому, что нѣкоторые изъ означенныхъ полицейскихъ потомъ пострадали, напр., тотъ же фонъ-Петерсонъ и съ нимъ его сообщники въ набѣгахъ—его письмоводитель и три черкеса—были убиты.

Затѣмъ и косвенно движеніе 1905—06 годовъ получало нѣкоторые соки отъ элементовъ, предполагавшихся благонадежными; напр., органъ латышскихъ социалистовъ-демократовъ «Zihna» («Борьба») въ одно время въ 1905 году печатался въ типографіи закрытой нынѣ консервативной нѣмецкой газеты «Düna Zeitung» («Двинская Газета»). Далѣе, многія прокламаціи противоправительственного и противогосударственного характера на латышскомъ языкѣ въ 1905 году, какъ и въ нынѣшнюю войну, если не исходили, то распространялись такими лицами, которыя признавались благонадежными и даже ультра-консервативными. Этимъ объясняется такой, напр., фактъ, что прокламаціи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ иногда появлялись, какъ

говорили, даже вопреки ожиданію агитаторовъ и являлись для послѣднихъ своего рода пріятнымъ сюрпризомъ. Дѣло же лифляндскаго барона Менгдена, разбрасывавшаго въ 1914 году, по возникновеніи войны съ Германіей, прокламаціи на латышскомъ языкѣ, общеизвѣстно изъ сообщений газетъ.

Мы не задавались цѣлью освѣтить и охарактеризовать здѣсь подробно и со всѣхъ сторонъ движеніе 1905—06 годовъ. Это должно-бы составить задачу особаго изслѣдованія, особаго сочиненія. Здѣсь мы имѣли въ виду лишь показать, что авторъ таинственной брошюры слишкомъ односторонне и явно неправильно понимаетъ и освѣщаетъ это движеніе, и что оно, вопреки взгляду автора, не исходило ни отъ латышской націоналистически настроенной интеллигенціи, ни отъ латышскихъ націоналистовъ вообще, которые и не побуждали кого-бы то ни было къ совершенію указываемыхъ авторомъ брошюры преступленій и потому не подставляли «черни» подъ выстрѣлы.

Несомнѣнно, движеніе 1905—06 годовъ прекраснѣйшимъ образомъ сумѣли использовать въ свою пользу Прибалтійскіе нѣмцы; имъ удалось представить себя въ глазахъ правительства лояльнѣйшимъ и преданнѣйшимъ Россіи народомъ. Средства для этого были употреблены обычныя, давно испытанныя, всегда приводившія къ успѣху, именно: были выставлены, съ одной стороны, пресловутый консерватизмъ нѣмцевъ, а съ другой—революціонность всѣхъ другихъ народовъ, въ особенности-же коренныхъ жителей Прибалтійскаго края. Хотя, какъ теперь мы знаемъ, эти средства были далеко не безупречныя, такъ какъ и нѣмцы консервативны лишь постольку, поскольку имъ это выгодно, а остальные народы далеко не такъ революціонны, какъ это указывалось, тѣмъ не менѣе въ свое время эти средства оказались дѣйствительными и намѣченная цѣль ими была достигнута. Недаромъ газета «Deutsche Tageszeitung» по возникновеніи войны Германіи съ Россіей, въ статьѣ, посвященной Прибалтійскимъ губерніямъ, писала, что «германизмъ, несмотря на весьма невыгодныя условія своего существованія, сохранилъ свою силу въ Прибалтійскомъ краѣ и, послѣ ужасовъ революціоннаго періода, даже пережилъ обновленную весну» («Нов. Вр.» № 13825 отъ 7/IX 1914 г.).

Станнымъ и непослѣдовательнымъ является утверждение автора брошюры о томъ, что латышская интеллигенція въ настоящую войну стремится разъединить правительственную власть «съ консервативнымъ населеніемъ вообще, а дворянскимъ землевладѣніемъ въ особенности». Прежде всего, небольшое сравнительно количество лицъ не въ состояніи принудить или даже просто побудить правительственную власть не поддерживать того принципа государственнаго управленія, который, по утверженію автора брошюры, считается непреложнымъ и защищается даже вооруженной силой. Съ другой стороны, одного «скомпрометированія» всѣхъ нѣмцевъ для указаннаго разъединенія недостаточно. Едва-ли для этого было-бы достаточно даже скомпрометированіе самихъ консервативныхъ принциповъ и принципа дворянскаго землевладѣнія, но и этимъ латышская интеллигенція не занимается, тѣмъ болѣе, что среди нея не мало консервативныхъ элементовъ. Наконецъ, откуда и почему авторъ брошюры думаетъ, что латышская интеллигенція стремится скомпрометировать *всѣхъ* нѣмцевъ. Если подъ стремленіемъ скомпрометировать онъ разумѣетъ тѣ доносы на имя Курляндскаго губернатора, о которыхъ онъ говоритъ дальше въ этомъ же девятомъ приложеніи къ своей брошюрѣ и часть которыхъ могла исходить и отъ латышской интеллигенціи (намъ, впрочемъ, это неизвѣстно), то ему, автору, слѣдовало лучше вникнуть въ содержаніе означенныхъ доносовъ, да и вообще въ жизненныя отношенія въ Прибалтійскомъ краѣ и, въ частности, въ Курляндской губерніи. Тогда авторъ брошюры, вѣроятно, увидѣлъ-бы, что во всѣхъ доносахъ имѣлись въ виду лишь нелойальныя дѣйствія и лишь опредѣленныхъ лицъ. А въ такомъ случаѣ—это лишь защита себя и своего отечества въ настоящіе тяжелые дни войны. Если указываемыя дѣйствія и факты и не имѣли особенно гибельныхъ послѣдствій раньше, то теперь, по вступленіи германскихъ войскъ въ Курляндскую губернію, они несомнѣнно повлекли за собою такія послѣдствія.

Еще страннѣе заявленія автора брошюры о томъ, что латышская интеллигенція и латышскіе націоналисты проявленіемъ своего патріотизма въ настоящую войну только «подмазываются». Если-бы авторъ брошюры не виталъ въ воздушной

сферѣ своихъ измышленій, а спустился-бы на землю и попытался ознакомиться съ жизнью, то онъ, при добросовѣстномъ, конечно, желаніи, усмотрѣлъ-бы, что ничего иного, какъ проявленія нынѣшняго патріотизма, отъ латышей нельзя было ждать по самой психологіи вещей. Правда, авторъ брошюры говоритъ, что инородцы и иновѣрцы неправославнаго и нерусскаго происхожденія, несмотря на то, что бы они ни дѣлали на благо государства и какія бы безчисленныя жертвы они ни несли, не могутъ ничего иного, какъ только «подмазываться», потому что имъ чуждо понятіе о Русскомъ Государѣ, какъ Помазанникѣ Божиѣмъ. Однако, эго послѣднее положеніе автора является не болѣе, какъ абсурдомъ. Этимъ заявленіемъ авторъ опять обнаруживаетъ, что онъ не желаетъ знать жизни и жизненныхъ отношеній, а довольствуется высиживаемыми имъ теоретическими измышленіями.

Исторія вообще и исторія религій, въ частности, а равно происходящія на нашихъ глазахъ событія показываютъ, что всѣ народы и всѣ вѣроисповѣданія способны признавать и въ дѣйствительности признаютъ своихъ Монарховъ Помазанниками Божиими. Уже въ іудейской религіи цари признавались помазанниками Божиими, и это признаніе возникло сразу же съ возникновеніемъ у іудеевъ царской власти (помазаніе на царство пророкомъ Самуиломъ перваго царя Саула и второго—Давида). Въ христіанской религіи точно также всѣ власти, въ особенности-же, конечно, царская власть, признаются существующими отъ Бога. Признаніе Монарха помазанникомъ Божиимъ свойственно самымъ раціоналистическимъ христіанскимъ исповѣданіямъ, напр., и лютеранскому. Въ качествѣ доказательства достаточно указать на современную Германію, гдѣ императоръ Вильгельмъ II считается своимъ народомъ, принадлежащимъ въ большинствѣ къ лютеранскому исповѣданію, не только помазанникомъ Божиимъ, но почти представителемъ Бога на землѣ.

Большинство латышей принадлежитъ къ лютеранскому исповѣданію, но есть среди нихъ значительный процентъ католиковъ (въ трехъ уѣздахъ Витебской губерніи—Двинскомъ, Люцинскомъ и Рѣжицкомъ, а отчасти и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ) и православныхъ. Ни одной изъ этихъ

группъ, какъ явствуетъ изъ вышеизложеннаго, не чужды принятию признанія Государя Помазанникомъ Божиимъ.

Выше мы сказали, что въ настоящую войну, по самой психологіи вещей, отъ латышей нельзя было ожидать ничего другого, какъ именно необыкновенной высоты патріотизма.

Думается, что часть причинъ этого болѣе или менѣе охарактеризована уже въ рѣчи, сказанной въ Государственной Думѣ депутатомъ И. П. Залитомъ еще 15-го декабря 1912 года, когда близость нынѣшней войны еще не чувствовалась и когда — надѣмся, и по признанію автора брошюры — для латышей не было особаго повода «подмазываться». Въ этой рѣчи, между прочимъ, было сказано, что латыши «всегда признавали, признаютъ и будутъ признавать Россію своимъ отечествомъ. У нихъ никогда не было и нѣтъ стремленія обособиться отъ Россіи: они не имѣютъ славнаго историческаго прошлаго, не составляли никогда отдѣльнаго государства и потому, а также въ виду своей малочисленности, у нихъ нѣтъ никакого основанія стремиться къ обособленію и теперь. Латыши никогда не забудутъ, что только въ періодъ владычества Прибалтійскимъ краемъ русскихъ государей они вышли изъ рабскаго состоянія; только въ этотъ періодъ они пріобрѣли себѣ человѣческія права, переставъ быть вещью, собственностью другихъ. Всѣ толки, слухи, навѣты о сепаратизмѣ латышей пущены въ ходъ или людьми, непонимающими жизненныхъ отношеній въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, или нашими бывшими господами, которые 600 лѣтъ держали насъ въ рабствѣ и которые теперь, когда это рабство кончилось, когда, благодаря великодушію русскихъ государей, мы ускользнули изъ когтей нашихъ угнетателей, все же желаютъ сохранить надъ нами свое вліяніе и стараются выставить насъ въ глазахъ правительства сепаратистами. Членъ Государственной Думы г. Пуришкевичъ очень восхищался здѣсь прибалтійскими нѣмцами. Онъ находилъ, что въ нихъ весьма сильно внѣдрилось чувство лойяльности и что потому они являются какъ-бы гражданами особаго рода. Смѣю заявить и увѣрить, что коренные жители прибалтійскихъ губерній являются, во всякомъ случаѣ, не менѣе лойяльными гражданами, чѣмъ прибалтійскіе нѣмцы. Среди латышей такихъ лицъ, которыя питали-бы симпатіи къ ка-

кому-либо другому государству, кромѣ Россіи, нѣтъ. Но, являясь ревностными сынами Россіи, латыши желаютъ сохранить и далѣе развивать свою культуру, желаютъ наступленія въ Россіи такихъ обстоятельствъ, которыя болѣе способствовали-бы имъ не только достигать матеріальнаго благосостоянія, но и удовлетворять свои культурныя потребности».

Теперь, во время настоящей войны, къ указаннымъ причинамъ присоединяется еще необходимость защиты себя отъ варварскихъ ордъ. Какъ показываесть опытъ войны, вторженіе германцевъ въ какую либо страну сопровождается раззореніемъ ея, превращеніемъ въ груды разваливъ и пустыню (это отчасти сбылось уже и въ отношеніи занятой части Курляндской губерніи), а жителямъ такой страны грозитъ уничтоженіе. Тѣмъ болѣе отъ такого уничтоженія не гарантированы жители Прибалтійскаго края, которыхъ особенно пугаютъ проскрипціонные списки «бароновъ», бывшіе въ употребленіи и во время карательныхъ экспедицій 1905 — 1906 годовъ. Слѣдовательно, если латыши теперь всѣми силами стремятся, вмѣстѣ со всею благоразумною Россіею, къ сокрушенію Германіи и «безпрекословно несутъ безчисленныя жертвы на благо Государства», то они, помимо всего прочаго, осуществляютъ защиту себя отъ раззоренія и уничтоженія. Но гдѣ-же въ такомъ случаѣ «подмазаніе»? Кажется, что оно, при признаніи добросовѣстности автора брошюры, существуетъ лишь въ его фантазіи.

Правда, въ подтвержденіе «подмазанія» и фальшивости патріотизма латышей авторъ брошюры приводитъ доказательство,—именно то, что «начало военныхъ дѣйствій съ Турціей не произвело на латышей никакого впечатлѣнія и оно прошло въ Курляндской губерніи абсолютно незамѣченнымъ—потому что турки не нѣмцы, съ которыми латыши ведутъ свою особую борьбу. А борьба эта ведется не для того, чтобы обрусить Курляндскую губернію, а для того, чтобы изъ этой губерніи и южной части Лифляндской образовать Великую Латвію». Это утвержденіе автора брошюры опять-таки является вымысломъ. Начало войны съ Турціей отмѣтила вся латышская печать, причемъ выражалась надежда, что наконецъ-то турки будутъ изгнаны изъ Европы и Россія получить доступъ къ Средиземному морю. Въ частности, такое отношеніе къ

войнѣ Россіи съ Турціей поголовно проявили и издававшіяся въ Курляндской губерніи латышскія газеты. Такъ, въ газетѣ «Latweeschu Awises» («Латышская Газета»), издававшейся въ г. Митавѣ, въ № 281 отъ 20-го октября 1914 года, въ статьѣ подъ заглавіемъ «Конецъ Турціи», сказано буквально слѣдующее: «Турки учинили безумное дѣло, послѣдствіемъ котораго будетъ конецъ Турціи. Что Турція будетъ воевать, это не было неожиданностью, но неожиданнымъ было столь внезапное нападеніе, безъ объявленія войны. Имѣется древняя поговорка, что кого боги желаютъ погубить, у того они отнимаютъ разумъ. Кажется, такая плачевная судьба сейчасъ постигла Турцію. Поведеніе Турціи не имѣетъ ни малѣйшаго смысла. Желаетъ-ли она вновь завоевать свои прежнія владѣнія въ Европѣ? Въ такомъ случаѣ ей нужно было-бы воевать съ Болгаріей и Греціей, но этого Турція не пожелаетъ. Или она желаетъ отвоевать отъ Россіи области на Кавказѣ? Но не имѣется для этого у Турціи силъ. Можетъ быть, она желаетъ отвоевать Египетъ? Ну, тамъ имѣется много противныхъ силъ, которыя разсѣютъ эти замыслы Турціи. Мы и Англія имѣемъ еще въ избыткѣ войска, чтобы сокрушить Турцію и окончательно ликвидировать ее, по крайней мѣрѣ въ Европѣ. Можетъ быть, только въ серединѣ Малой Азіи останется еще что-нибудь отъ Турціи. Въ своей слѣпотѣ Турція учинила самоубійственное дѣло. Конечно, окончательное сокрушеніе Турціи потребуетъ отъ насъ новыхъ трудовъ и силъ, но силъ для этого у насъ достаточно. Также и результаты въ такомъ случаѣ будутъ гораздо лучше. Недавно Турція запрещала плаваніе черезъ Босфоръ и Дарданеллы и тѣмъ приостанавливала нашу торговлю. вмѣстѣ съ ликвидаціею Турціи будетъ наконецъ улаженъ вопросъ о Босфорѣ и Дарданеллахъ, и мы приобрѣтемъ о нихъ рѣшающее слово. Было даже желательнымъ, чтобы Турція начала войну, чтобы за одинъ разъ, при одновременныхъ жертвахъ и одновременномъ развитіи силъ, наконецъ былъ рѣшенъ столь важный для насъ вопросъ о проливахъ. Было-бы для насъ даже очень непрятымъ, если-бы Турція пожелала теперь еще увильнуть отъ войны и вину въ нападеніи въ Черномъ морѣ, можетъ быть, свалить на нѣмцевъ. Но надо думать, что это не удастся и что теперь судьба Турціи окончательно будетъ рѣшена.

Турція неотвратимо идетъ навстрѣчу своему концу». Въ другой газетѣ «Wentspils Straume» («Потокъ Венты»), издававшейся въ г. Виндавѣ, въ № 6 отъ 23-го октября 1914 года, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Еще одинъ врагъ», между прочимъ, сказано: «Кто изъ этой борьбы выйдетъ побѣдителемъ, не трудно предугадать. Въ послѣднихъ Балканскихъ войнахъ силы Турціи настолько ослаблены, что, не взирая на помощь нѣмцевъ, она не можетъ явиться опаснымъ противникомъ. Единственное, чего можно было-бы опасаться, это высадка десанта на побережьи Чернаго моря, но и она вполнѣ невозможное дѣло. Чтобы воспрепятствовать ей, Россія имѣетъ въ Черномъ морѣ сильный флотъ, такъ какъ онъ, какъ извѣстно, въ Японской войнѣ не участвовалъ; кромѣ того, достаточно вполнѣ сухопутныхъ силъ, чтобы топить турокъ въ Черномъ морѣ. Второй путь ведетъ черезъ Кавказъ. Но надо видѣть эти естественныя укрѣпленія, чтобы съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что туркамъ, хотя-бы и подъ руководствомъ нѣмцевъ, Кавказа не перейти. Положеніе нашего «новаго» врага Турціи не изъ блестящихъ. Она отъ этой войны можетъ лишь потерять и притомъ очень много». Газета «Leerajas Deenas Awise» («Либавская ежедневная газета») въ № 240 отъ 20-го октября 1914 года, въ статьѣ: «Покушеніе Турціи на самоубійство», между прочимъ, писала: «Каковы-бы ни были мотивы и причины озорства турокъ, послѣдствія этого новаго предпріятія младотурокъ будутъ очень печальны. Турція не можетъ и помышлять о серьезной войнѣ противъ Россіи. Сколько разъ русскіе не били турокъ при еще болѣе неблагоприятныхъ обстоятельствахъ». Въ № 243 той-же газеты отъ 23-го октября 1914 года, въ статьѣ—«Крестъ въ войнѣ противъ полумѣсяца», между прочимъ, значится: «Снова Россія пойдетъ войною противъ своего вѣкового врага. Нынѣшняя война съ Турціей для Россіи по счету будетъ тринадцатой, если первой считать войну 1674—1681 г., которую Россія вела вмѣстѣ съ Польшей изъ-за Днѣпровской Украйны. Во всѣ эти вѣка много лилось христіанской крови въ борьбѣ противъ исламитской Турціи. Россія при этомъ всегда выполняла назначеніе защитницы балканскихъ славянъ. Выполняя это назначеніе, она и теперь была втянута въ великую борьбу и на этотъ разъ, по истеченіи 240 лѣтъ, она идетъ войною

противъ Турціи, чтобы, говоря словами Высочайшаго манифеста, «разрѣшить завѣщанныя ей предками историческія задачи на берегахъ Чернаго моря»... Россія столь сильна, что на вызывающее нападеніе Турціи и войну съ нею общество можетъ смотрѣть вполне безъ возбужденія. Конечно, новая борьба потребуетъ много новыхъ жертвъ, но послѣднія будетъ легче нести въ томъ убѣжденіи, что эта война является *послѣдней* войною Россіи противъ Турціи, равно какъ она является послѣдней противъ первоисточника нынѣшнихъ бѣдствій войны—прусскаго милитаризма». Другая либавская латышская газета «Leerajas Atbalss» («Либавское Эхо») въ № 229 отъ 21-го октября 1914 года въ довольно длинной и вдохновенной статьѣ писала, между прочимъ, слѣдующее: «Жребій брошенъ. Предательскіе выстрѣлы нѣмецкихъ пиратовъ подъ флагомъ Турціи выдвинули на очередь одинъ изъ самыхъ опасныхъ вопросовъ всемірной политики, который стоилъ уже жизни многимъ милліонамъ людей. Восточный вопросъ болѣе двухсотъ лѣтъ стоялъ поперекъ пути Россіи, которая тщетно искала свободнаго выхода въ океанъ. Шагъ за шагомъ семь поколѣній русскаго народа двигались на югъ, къ теплымъ морямъ, покрывая своими костями обширныя степи Новороссіи и снѣжныя вершины Балкановъ. На этомъ пути потоками русской крови мы подняли къ новой жизни четыре народа, которые мучились подъ игомъ турецкихъ башибузуковъ. Все-же великій историческій подвигъ Россіи не оцѣнили, какъ должно, ни Европа, ни также нѣкоторые изъ освобожденныхъ народовъ. Лишь 36 лѣтъ назадъ славная русская армія находилась уже у воротъ Царьграда, но недоброжелательство и недовѣріе помѣшали намъ покончить святое дѣло. Оказалось, что путь въ Константинополь идетъ черезъ Берлинъ... Россіи суждено испытать чашу до конца. Нашъ вѣковой врагъ пожелалъ расчитаться съ нами въ послѣдній разъ въ такой моментъ, когда великая борьба въ Средней Европѣ только-что перешла кульминаціонный пунктъ своего развитія. Немало жертвъ потребуетъ отъ Россіи эта новая война. Но русскій народъ не уклонится отъ новаго похода, ниспосланнаго судьбою. Впереди—великія цѣли и великая будущность. Россія должна въ концѣ концовъ получить ключъ отъ собственнаго дома

и рѣшить на всѣ времена вопросъ о проливахъ. Россія не можетъ допустить и изгнанія патріарха изъ его тысячелѣтней резиденціи. Нужно освободить и Святую Землю. Пробылъ часъ, когда надо дать міру вѣчный миръ и освободить всѣ тѣ народы, которые стонутъ подъ игомъ башибузуковъ. Настало время освободить многострадальный армянскій народъ, который десятилѣтіями расплачивался своею кровью за попытку поддержанія равновѣсія въ Европѣ. Наконецъ, намъ нужно уплатить свой патріотическій долгъ. Сокрушивъ ненавистный прусскій милитаризмъ, мы выполнимъ свою обязанность по отношенію ко всему цивилизованному человѣчеству. Разрѣшивъ грозную проблему восточнаго вопроса, мы прежде всего выполнимъ свою святую обязанность по отношенію къ Россіи. Нѣтъ такихъ жертвъ, которыя были-бы тяжелыми въ борьбѣ за свободное развитіе и свѣтлую будущность родины.

Изъ изложеннаго ясно, что по меньшей мѣрѣ смѣшно говорить о томъ, что начало военныхъ дѣйствій съ Турціей не произвело на латышей никакого впечатлѣнія и что въ Курляндской губерніи оно прошло абсолютно незамѣченнымъ. Правда, не было по возникновеніи войны съ Турціей въ Курляндской губерніи народныхъ манифестацій, имѣвшихъ мѣсто при началѣ войны съ Германіей и Австро-Венгріей, но не потому, чтобы народъ не склоненъ былъ ихъ производить, а просто потому, что въ то время всякія манифестаціи строго были воспрещены администраціей. И — полагаемъ, что въ этомъ отношеніи съ нами согласится и авторъ брошюры — положенное наказаніе и, во всякомъ случаѣ, непріятности непремѣнно постигли-бы того дерзкаго смѣльчака, который-бы попытался, вопреки означенному запрещенію, хотя-бы съ высоко-патріотическою цѣлью, произвести какую-либо манифестацію. Въдь, въ Курляндской губерніи всякія манифестаціи только нарушаютъ покой извѣстной части гражданъ...

Ну, а что сказать о навязываемой авторомъ брошюры латышамъ борьбѣ съ нѣмцами за образованіе «Великой Латвіи»? Прежде всего, это заявленіе автора брошюры совсѣмъ голословно. Если онъ въ подтвержденіе другихъ своихъ заключеній (напр., въ подтвержденіе «подмазанія») приводилъ хотя и вымышленныя доказательства, то въ подтвержденіе этого новаго страннаго заключенія онъ, очевидно, ничего и

придумать не былъ въ состояніи. Авторъ брошюры, вѣроятно, рассчитывалъ на легкомысленныхъ и поверхностныхъ читателей, которые повѣрили-бы ему безъ всякихъ доказательствъ.

По существу это заявленіе чистѣйшій абсурдъ. По смыслу его выходитъ, что отъ незначительной кучки нѣмцевъ, которыхъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ не болѣе 6% всего населенія, зависитъ дать или не дать латышамъ возможность образовать «Великую Латвію». Или будто, въ случаѣ благопріятнаго исхода борьбы съ нѣмцами, латыши такъ и могли-бы образовать такую «Великую Латвію», не считаясь и не спрашивая вовсе хозяина—Россіи. Кромѣ того, прежде, чѣмъ создавать «Великую Латвію», нужно, вѣдь, было-бы имѣть «малую Латвію», т. е. хоть какую-нибудь самостоятельность.

Среди латышей такихъ глупцовъ, которые полагали-бы, что латыши могутъ создать, и еще вопреки Россіи, самостоятельное государство («Латвію») и существовать въ такомъ государствѣ, не имѣется. И не имѣется ихъ не только среди такъ называемыхъ націоналистовъ, но даже и среди крайнихъ лѣвыхъ, проповѣдующихъ космополитизмъ. Всѣ латыши, безъ различія взглядовъ и направленій, убѣждены, что только въ Россіи они могутъ существовать, какъ народъ, и достигать духовнаго и матеріальнаго благополучія.

Авторъ брошюры, въ своемъ стремленіи всячески и во что-бы то ни стало очернить латышей въ глазахъ русскихъ, коварно надумалъ приписать латышамъ такія мечты и стремленія, которыя, при малѣйшей ихъ основательности, должны были-бы оттолкнуть отъ нихъ симпатіи русскихъ и, быть можетъ, заставить послѣднихъ предпринять противъ латышей какія-нибудь мѣры притѣсненія. Я говорю «коварно» потому, что брошюра автора для широкой публики является тайной и, очевидно, предназначена только для лицъ и группъ съ извѣстнымъ значеніемъ. Авторъ брошюры, вѣроятно, соблазнился тѣмъ обстоятельствомъ, что имѣются на свѣтѣ малые народы, которые мечтаютъ о созданіи своего великаго государства; почему-бы, поэтому, не приписать и латышамъ подобныхъ мечтаній и стремленій. Авось, кто-нибудь изъ прочитавшихъ брошюру и повѣритъ этому; вѣдь, недаромъ и древняя латинская поговорка гласитъ: *audacter calumniari, semper aliquid haeret*. Однако, авторъ забылъ

при этомъ, во-первыхъ, что тѣ народы, которые мечтають о «великомъ» государствѣ, уже имѣють свое малое государство, имѣють самостоятельность, а у латышей этого нѣтъ, и, во-вторыхъ, забылъ и русскую поговорку: «гдѣ тонко, тамъ и рвется». Въ подтвержденіе своей клеветы авторъ не былъ въ состояніи привести никакихъ доказательствъ, а съ другой стороны—его брошюра стала извѣстной латышамъ, которые будутъ въ состояніи противъ нея тѣмъ или другимъ способомъ реагировать.

Вся дальнѣйшая часть девятаго приложенія посвящена защитѣ направленія политики и образа дѣйствій бывшаго губернатора С. Д. Набокова и изображенію труднаго его положенія, а попутно стремленію обфлить и защитить нѣмцевъ и представить въ непривлекательномъ видѣ латышей. Красною нитью всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденій является то, что губернаторъ Набоковъ стремился всегда къ тому, чтобы Курляндская губернія была не нѣмецкой и не латышской, а русской. Съ этой цѣлью онъ докладывалъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ о необходимости русской колонизаціи Курляндской губерніи, неоднократно просилъ не вводить въ Курляндской губерніи земскаго самоуправления ранѣе, чѣмъ въ ней не будетъ образованъ классъ русскихъ крестьянъ землевладѣльцевъ, ибо «введеніе земства ранѣе этого означало-бы образованіе сплоченнаго латышскаго самоуправления—именно той Великой Латвіи, о которой мечтають уже давно латышскіе націоналисты», представилъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ сводку статей, появившихся въ латышской прессѣ по поводу русской колонизаціи. Такая дѣятельность губернатора не понравилась латышамъ и потому «съ того времени, когда началась просимая имъ колонизація, т. е. съ весны 1913 г., начался походъ противъ его, С. Д. Набокова, со стороны латышской прессы». Къ выпадамъ противъ С. Д. Набокова латышскихъ газетъ потомъ присоединились и столичныя газеты. Чувствуя, однако, что такой характеристикѣ дѣятельности С. Д. Набокова противорѣчитъ наличность многочисленнаго класса нѣмецкихъ чиновниковъ и полицейскихъ въ Курляндской губерніи, авторъ брошюры говоритъ, что губернаторъ «отказался отъ совершенно несостоятельной системы обрусѣнія посредствомъ чиновниковъ. Изгнаніе застигну-

тыхъ С. Д. Набоковымъ въ Курляндской губерніи въ 1910 году чиновниковъ нѣмецкаго происхожденія только потому, что они нѣмцы — было-бы и несправедливо и нецѣлесообразно, потому что кадра, изъ котораго онъ могъ-бы получить чиновниковъ русскаго происхожденія, знающихъ мѣстные языки и потому не рискующихъ быть во власти переводчиковъ, въ предѣлахъ Имперіи не существуетъ. Къ тому-же такое дѣйствіе Губернатора было-бы противогосударственно, если-бы онъ не изгналъ и всѣхъ чиновниковъ латышей, такъ какъ если уже вводить вездѣ русскихъ чиновниковъ, то слѣдовало-бы изгнать и нѣмцевъ и латышей».

И въ этихъ своихъ разсужденіяхъ авторъ брошюры не считается съ фактами. «Выпады» противъ С. Д. Набокова въ латышской прессѣ начались гораздо ранѣ весны 1913 г.; они начались вскорѣ по вступленіи С. Д. Набокова на должность Курляндскаго губернатора, какъ только мѣстное населеніе почувствовало, что и новый губернаторъ относится къ старому типу Прибалтійскихъ русскихъ администраторовъ, о которыхъ такъ краснорѣчиво говорилъ въ своихъ трудахъ Ю. О. Самаринъ. Разумѣется, мѣстное коренное населеніе не могло безъ горечи относиться и къ искусственной русской колонизаціи Курляндской губерніи, когда мѣстныхъ крестьянъ изгоняли изъ насиженныхъ ими мѣстъ и отказывали имъ въ продажѣ таковыхъ только потому, что они не русскіе по происхожденію. Но виновника этой колонизаціи мѣстное населеніе усматривало не въ губернаторѣ, а въ непосредственныхъ ея дѣятеляхъ — Прибалтійскомъ Управленіи Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и Митавскомъ Отдѣленіи Крестьянскаго Поземельнаго Банка. Только потомъ, кажется, по выходѣ въ свѣтъ извѣстной брошюры г. Земца: «Казенныя имѣнія въ Курляндской губерніи и вопросъ о русской колонизаціи названной губерніи» (Вильна, 1913), мѣстнымъ жителямъ стало извѣстнымъ, что къ искусственной русской колонизаціи Курляндской губерніи причастенъ и С. Д. Набоковъ.

Своеобразнымъ въ приведенныхъ словахъ является и представленіе автора о «Великой Латвіи»; это, по его мнѣнію — «сплоченное латышское самоуправленіе». Въ прежнихъ-же разсужденіяхъ автора брошюры эта «Великая Латвія» представлялась въ видѣ автономной, самостоятель-

ной страны. Слѣдовательно, получается опять путаница понятій; видно, не легко иногда даже выдумать что-либо послѣдовательное, логичное, когда имѣешь твердое намѣреніе оклеветать другихъ. Но и само утвержденіе, что введеніе въ Курляндской губерніи земскаго самоуправленія было-бы равносильнымъ образованію «Великой Латвіи», является довольно абсурднымъ. Существующее въ Россіи земское самоуправленіе, будучи введеннымъ въ Прибалтійскомъ краѣ, измѣнило-бы только хозяйственный укладъ этихъ губерній и распредѣлило-бы земскія повинности соразмѣрно величинѣ и доходности имуществъ, а съ другой стороны—стало-бы шире кругъ лицъ, вѣдающихъ земское хозяйство края. Никакой опасности для государственности введеніе въ краѣ земскаго самоуправления не можетъ представить. Вѣдь, существуетъ-же въ краѣ самоуправленіе городское и крестьянское (волостное), но государственность отъ этого нисколько не пострадала; напротивъ, послѣ введенія этихъ самоуправленій, край несомнѣнно болѣе сблизился съ остальной Россією. Чѣмъ скорѣе въ Прибалтійскомъ краѣ будетъ введено земское самоуправленіе, тѣмъ лучше это будетъ съ точки зрѣнія государственности. Пока въ краѣ земскимъ хозяйствомъ будутъ завѣдывать пресловутые ландтаги и ландратскія коллегіи (въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ), а равно губернскій распорядительный комитетъ (въ Курляндской губерніи), до тѣхъ поръ нечего ждать болѣе или менѣе тѣснаго сближенія края съ остальной Россією; до тѣхъ поръ будутъ здѣсь наблюдаться и «чудеса», и просто нежелательныя, въ смыслъ государственности, явленія. Распорядительный комитетъ, какъ учрежденіе чисто бюрократическое, стоящее далеко отъ населенія, само собою понятно, не въ состояніи оказывать на него никакого вліянія. За малыми исключеніями, крестьяне даже не знаютъ о его существованіи. А ландтаги и ландратскія коллегіи, находящіяся фактически всецѣло въ рукахъ мѣстнаго нѣмецкаго дворянства, представляютъ своего рода автономныя учрежденія послѣдняго, плотину противъ проникновенія въ эти учрежденія и въ дѣла, ими вѣдаемыя, всего прочаго, кромѣ того, что благопріятно интересамъ этого дворянства, а затѣмъ и «нѣмецкому дѣлу» вообще. О проникновеніи въ земское дѣло, пока имъ вѣ-

даютъ ландтаги и ландратскія коллегіи, началъ русской государственности нечего и помышлять.

Всѣ реформы, введенныя въ Прибалтійскомъ краѣ русскимъ правительствомъ, напр., реформа полиціи, судебная и проч., въ болъшей или меньшей мѣрѣ содѣйствовали и въ настоящее время служатъ средствомъ сближенія края съ остальною Россіею. Тѣмъ болѣе такимъ средствомъ должна послужить такая важная реформа, какъ реформа земскаго хозяйства, введеніе въ краѣ земскаго самоуправления, на основаніяхъ допущенія къ участію въ немъ широкихъ круговъ мѣстныхъ жителей. И нечего бояться такъ называемаго авторомъ брошюры «латышскаго самоуправления»; оно вреда Россіи не принесетъ. Сепаратистическихъ стремленій латыши не имѣютъ и симпатій къ какому-либо иному государству, кромѣ Россіи, они никогда не питали и не пытаются. Равнымъ образомъ, и культурныя стремленія латышей не направлены противъ Россіи и не могутъ ей повредить. Въ этомъ отношеніи мы приведемъ слова рижской русской консервативной газеты «Рижскій Вѣстникъ» въ № 171 отъ 28-го іюля 1914 года, гдѣ эта газета говоритъ, что нынѣшнее поведеніе латышскаго народа «сняло завѣсу со многихъ, казавшихся неясными и непонятными культурныхъ стремленій его. Латышская культура подъ эгидою Россіи—явленіе положительное, воспитываетъ доблестныхъ сыновъ для общаго Отечества. Латышская культура — не симптомъ обособленности и сепаратизма, а лепта, вносимая на алтарь общаго развитія и процвѣтанія Имперіи».

Въ одномъ отношеніи интересны указанныя разсужденія автора брошюры—это въ томъ, что теперь мѣстному населенію сталъ извѣстнымъ облеченный властью врагъ и противникъ введенія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ земскаго самоуправления. Мѣстное населеніе привыкло думать, что земское самоуправленіе въ Прибалтійскихъ губерніяхъ не вводится, несмотря на давнишніе о немъ разговоры и признаніе его необходимости, только благодаря вліянію мѣстныхъ нѣмцевъ, держащихъ доселѣ самоуправленіе края въ своихъ рукахъ. Оказывается, что имѣются и другіе противники введенія земства, и становится отчасти понятною безуспѣшность всѣхъ разговоровъ о необходимости въ краѣ земскихъ учреждений. И это противодѣйствіе введенію въ краѣ зем-

скихъ учрежденій совершается вопреки ясно выраженной въ Высочайшемъ Указѣ Правительствующему Сенату отъ 28-го ноября 1905 года, объ учрежденіи особаго Совѣщанія при Временномъ Прибалтійскомъ Генераль-Губернаторѣ, Высочайшей волѣ о необходимости въ краѣ земскаго самоуправленія.

Выше было указано, что авторъ брошюры признаетъ «совершенно несостоятельной» систему обрусѣнія посредствомъ чиновниковъ. Въ этомъ отношеніи мы съ авторомъ брошюры вполне согласны, такъ какъ во всѣхъ странахъ, гдѣ подобная система примѣнялась, она не дала положительно никакихъ результатовъ. Типичнымъ примѣромъ этого можетъ служить Германія, гдѣ система онемеченія посредствомъ чиновничества, наряду съ другими системами, примѣнялась въ отношеніи поляковъ уже свыше 25 лѣтъ. Объ этой системѣ такой консервативный политикъ и горячій сторонникъ онемеченія поляковъ, какъ Гансъ Дельбрюкъ, долженъ былъ признать, что недопущеніемъ въ Германіи поляковъ къ чиновничеству достигнуто лишь освобожденіе ихъ отъ одной изъ государственныхъ тяготъ (*Staatslast abgenommen*) *). И въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ мѣстные коренные жители-латыши и эстонцы—на службу почти вовсе не принимаются, а въ другихъ допускаются лишь на самыя низшія должности, эта система не дала тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ нея ждали и ждутъ сторонники обрусѣнія. Присылаемые въ Прибалтійскія губерніи русскіе чиновники, не знающіе мѣстныхъ языковъ, а въ особенности тѣ изъ нихъ, въ каждомъ шагѣ дѣятельности которыхъ просвѣчиваетъ стремленіе къ поглощенію мѣстныхъ народностей, не могутъ оказывать благотворнаго вліянія на эти народности и, по большей части, должны чувствовать себя здѣсь довольно одинокими. Ихъ дѣятельность поневолѣ должна ограничиваться лишь писаніемъ вороховъ бумагъ, которыя, конечно, столько-же способны кого-нибудь обрусить, сколько, скажемъ, измѣнить температуру въ какомъ-нибудь помѣщеніи.

Разъ авторъ брошюры признаетъ несостоятельной

*) См. Hans Delbrück, Regierung und Volkswille; Berlin, 1914. Изъ этой же книги нами взяты и послѣдующія ссылки на этого автора.

систему обрусѣнія посредствомъ чиновничества, то слѣдовало ожидать, что настолько-же и даже болѣе несостоятельными онъ признаетъ тѣ системы, въ которыхъ заключается гораздо больше насилія, принужденія, искусственности. Между тѣмъ авторъ вполне защищаетъ искусственную русскую колонизацію Курляндской губерніи и сочувствуетъ и системѣ принудительнаго обрусѣнія чрезъ школы, хотя, по обыкновенію, и не приводитъ никакихъ доводовъ полезности этихъ двухъ системъ. Автору брошюры просто нравятся эти системы, безотносительно къ ихъ полезности, или-же онъ считаетъ полезность ихъ настолько безспорною и ясною, что ее не нужно подтверждать никакими доводами. Мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о каждой изъ этихъ системъ.

Из ММЛ. Univ. Гат.

Что принудительная и искусственная колонизація не достигаетъ той цѣли, которой отъ нея ждутъ колонизаторы, видно на примѣрѣ Германіи, а также и Курляндской губерніи. Въ Германіи, какъ извѣстно, искусственная колонизація польскихъ земель нѣмцами ведется чисто по «прусски», т. е. въ высшей степени жестоко, и уже свыше 25 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе результатовъ, по заявленію Г. Дельбрюка, не получилось почти никакихъ. Прусское правительство переселило въ восточныя свои области свыше 120.000 нѣмецкихъ крестьянъ, снабдивъ ихъ землею, но въ то-же время поляки пріобрѣли столько бывшей нѣмецкою земельной собственности, что вполне себя вознаградили и даже остаются въ выигрышѣ. Кромѣ того, получившійся, вслѣдствіе колонизаціонной политики правительства, излишекъ польскаго населенія въ сельскихъ мѣстностяхъ ударился въ города, захватилъ здѣсь въ свои руки торговлю, промыслы и ремесла и въ значительной степени ополучилъ эти города. Слѣдовательно, въ смыслѣ онѣмеченія поляковъ, дѣйствительно, нѣтъ никакихъ результатовъ. По словамъ того-же Г. Дельбрюка, политика прусскаго правительства «численно поляковъ не ослабила, а морально ихъ неизмѣримо укрѣпила».

Въ Курляндской губерніи искусственная колонизація, какъ русская, такъ и нѣмецкая, тоже не дала до сихъ поръ положительныхъ результатовъ, за исключеніемъ развѣ той роли, которую играютъ нѣмецкіе колонисты во время нынѣшняго вторженія въ Курляндскую губернію ихъ сородичей—

германскихъ нѣмцевъ. Конечно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ здѣсь поселены изъ внутреннихъ губерній русскіе и нѣмцы, но на окружающее ихъ мѣстное населеніе это не оказало никакого другого вліянія, кромѣ вызова извѣстной доли горечи. Какъ извѣстно, по меньшей мѣрѣ 70% сельскаго населенія Прибалтійскихъ губерній суть безземельные, сами нуждающіеся въ землѣ и всѣми силами старающіеся ее добыть. Отказъ имъ въ продажѣ земли, зачастую находившейся до того времени въ ихъ арендномъ содержаніи и ими же или ихъ предками обращенной изъ негодной въ воздѣлываемую почву, только потому, что они не русскіе или-же не нѣмцы по происхожденію, конечно, не могъ не вызывать извѣстной горечи. Такой образъ дѣйствій, въ особенности со стороны правительства, въ сознаніи мѣстныхъ жителей являлся несправедливымъ, ибо получалось дѣленіе гражданъ на разныя степени.

Сторонники искусственной русской колонизаціи обычно заявляютъ, что народъ-побѣдитель, господствующій въ государствѣ народъ не долженъ и не можетъ считаться съ внутренними переживаніями побѣжденнаго народа, а во имя государственности всѣми мѣрами долженъ стремиться къ полному его поглощенію. Но государственность не есть что-то безстрастное, существующее отдѣльно отъ входящихъ въ составъ государства народовъ, какъ-бы въ воздухѣ висящее. Для государственности не безразлично, чувствуютъ-ли входящіе въ составъ государства отдѣльные народы себя здѣсь полноправными членами или только едва терпимыми пасынками. Всякія насильственныя мѣропріятія по отношенію къ отдѣльнымъ, входящимъ въ составъ государства народамъ, не вызываемыя необходимостью защиты государства отъ внѣшнихъ враговъ, не могутъ принести пользы государству и государственности.

Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ искусственная колонизація въ настоящее время (и, вѣроятно, такъ будетъ еще долго въ будущемъ) вредна съ хозяйственной и не безразлична съ политической точекъ зрѣнія. Въ хозяйственномъ отношеніи она понижаетъ здѣсь сельскохозяйственную культуру и въ концѣ концовъ не приноситъ пользы и самимъ колонистамъ. Климатическія и почвенныя условія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ довольно суровы и не-

благопріятны, вслѣдствіе чего въ сельскомъ хозяйствѣ здѣсь необходимъ очень интенсивный трудъ. Недавніе опыты какъ русской, такъ и нѣмецкой колонизаціи показали, что такой трудъ развиваютъ только мѣстные жители, вѣками приученные работать, не покладая рукъ, а пришлый элементъ далеко отстаетъ отъ мѣстныхъ рабочихъ. Кромѣ того, и сельскохозяйственная культура у пришельцевъ оказывается гораздо ниже, чѣмъ въ Прибалтійскомъ краѣ. О рациональномъ сельскомъ хозяйствѣ и правильномъ сѣвооборотѣ они имѣютъ очень мало понятія. Вслѣдствіе этого пришельцы не въ состояніи хоть сколько-нибудь успѣшно конкурировать съ мѣстными крестьянами, и, будучи поставлены въ одинаковыя условія, не только не крѣпнутъ, а слабѣютъ въ хозяйственномъ отношеніи. Этимъ объясняется, напр., то обстоятельство, что многіе изъ нѣмецкихъ колонистовъ, завербованныхъ столь огромными усиліями нѣмецкихъ помѣщиковъ, проживши нѣсколько времени въ Прибалтійскомъ краѣ, принуждены были переселиться обратно въ прежнія свои мѣста. Да и остальные нѣмецкіе колонисты не чувствуютъ себя здѣсь крѣпко и хорошо, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которые получили земельные участки отъ своихъ сородичей—нѣмецкихъ помѣщиковъ за очень дешевую плату, почти за безцѣнокъ по сравненію съ рыночною цѣной земли.

Тѣми-же обстоятельствами объясняется и ничтожный успѣхъ искусственной русской колонизаціи Курляндской губерніи. Достаточно поверхностно посмотрѣть поля и вообще хозяйство русскаго колониста и сосѣднія поля и хозяйство мѣстныхъ крестьянъ, чтобы видѣть огромную разницу между тѣми и другими. Не будучи въ состояніи прокормиться отъ земли, колонисты часто переходятъ къ занятію промыслами и ремеслами, но вслѣдствіе этого ихъ хозяйства приходятъ въ еще большій упадокъ. Наблюдаются и случаи продажи колонистами своихъ участковъ мѣстнымъ крестьянамъ.

Далѣе, какъ вездѣ, такъ и въ Курляндской губерніи, искусственная колонизація служитъ причиною переселенія мѣстныхъ сельскихъ жителей въ города, въ другія губерніи и даже въ другія страны и, въ связи съ этимъ, вызываетъ чрезмѣрное вздорожаніе сельскохозяйственного труда.

Въ городахъ-же вслѣдствіе этого увеличивается количество безработныхъ, дающихъ неисчерпаемый источникъ полчищамъ недовольныхъ существующимъ порядкомъ и готовыхъ слѣдовать всякимъ утопическимъ теоріямъ, сулящимъ рай на землѣ. Съ другой стороны, такъ какъ изъ сельскихъ мѣстностей уходятъ въ города обычно болѣе предприимчивыя, болѣе энергичныя лица, а въ остающихся на мѣстахъ искусственная колонизація вызываетъ немалую долю горечи, то ослабляется вообще та плотина изъ мѣстныхъ жителей, которая вѣками съ успѣхомъ боролась и закалена въ борьбѣ съ воинствующимъ тевтонствомъ, стремящимся укрѣпиться въ прежнихъ и занять новыя позиціи.

Въ несостоятельности системы принудительнаго обрусѣнія чрезъ школы, по нашему мнѣнію, могутъ сомнѣваться лишь тѣ, кто умышленно, по той или другой причинѣ, не желаютъ видѣть или признавать этой несостоятельности. Эта система въ Прибалтійскихъ губерніяхъ примѣнялась уже съ 1887 года и потому негодность ея успѣла яснѣе обнаружиться. Не говоря о педагогахъ, общественныхъ дѣятеляхъ и под., негодность этой системы ясно и авторитетно признана Высочайше утвержденнымъ 18-го іюня 1905 года особымъ журналомъ Комитета Министровъ отъ 10-го мая 1905 года. Въ этомъ журналѣ, между прочимъ, сказано, что «нельзя изъ школъ дѣлать орудія искусственнаго проведенія обрусительныхъ началъ и что учебныя заведенія должны прежде всего преслѣдовать цѣль образованія дѣтей и юношества, согласно потребностямъ мѣстнаго населенія, и внѣдренія въ нихъ добрыхъ нравовъ. Таковое можетъ быть надлежащимъ образомъ поставлено лишь въ томъ случаѣ, если въ школахъ будетъ обезпечено должное мѣсто природному языку учащихся. Для достиженія сего мѣстному нарѣчію, какъ наиболѣе цѣнному достоянію народа, имъ пользующагося, должно быть отведено соотвѣтствующее количество уроковъ; этимъ-же языкомъ, какъ способомъ обученія, должно пользоваться въ достаточно широкихъ размѣрахъ, такъ какъ только при помощи его возможно разъясненіе дѣтямъ преподаваемыхъ предметовъ и достиженіе усвоенія ихъ». Затѣмъ, когда вторично чрезвычайно поднялась обрусительная волна чрезъ школы послѣ извѣстнаго циркуляра попечителя Рижскаго Учебнаго Округа отъ 27-го августа 1913 года, снова

эта система признана негодной распоряженіемъ Министра Народнаго Просвѣщенія графа П. Н. Игнатьева, отмѣнива-шаго означенный циркуляръ. Смѣло можно сказать, что поли-тика *принудительнаго* обрусѣнія чрезъ народную школу въ Прибалтійскихъ губеніяхъ не достигла дѣйствительнаго обрусѣнія ни одного ученика, даже не дала никому знанія русскаго языка. Вслѣдствіе короткаго времени обученія въ народной школѣ, знаніе языка здѣсь не можетъ быть даже достигнуто. Если мѣстные жители, тѣмъ не менѣе, въ зна-чительной степени и въ довольно обширныхъ массахъ до-стигаютъ этого знанія, то не вслѣдствіе принужденія и не черезъ народную школу, а въ послѣдующей жизни. Вполнѣ основательна мысль, высказанная депутатомъ И. П. Залитомъ въ Государственной Думѣ 11-го іюня 1914 года: «мѣрами насилія нельзя заставить усвоить русскую культуру; такіа мѣры только пробуждаютъ національное самосознаніе и уси-ливаютъ въ инородцахъ способность культурной ихъ само-защиты».

Негодность системы принудительнаго «перекраиванія» чрезъ школы обнаружилась и въ другихъ странахъ, въ ко-торыхъ эта система примѣнялась. Такъ, стносительно Гер-маніи Г. Дельбрюкъ говоритъ, что послѣдствіемъ принуди-тельнаго германизированія поляковъ чрезъ школы является только то, что польскія дѣти дѣйствительно усвоиваютъ нѣ-который запасъ нѣмецкихъ словъ, ибо вообще запасъ словъ у дѣтей очень малъ, но вовсе не какое-либо онѣмеченіе поля-ковъ. «Навязываніе нѣмецкой народной школы», говоритъ Г. Дельбрюкъ, «есть дѣйствительная и прямая политика бюро-кратовъ, которые воображаютъ, что они своимъ регламен-томъ могутъ все сдѣлать, что только предположать; это высокомеріе чиновниковъ, которые совершенно не видятъ, что существуютъ на свѣтѣ еще другія силы, которыя силь-нѣе ихъ». У германизаторовъ, разсуждаетъ далѣе Г. Дель-брюкъ, было намѣреніе сдѣлать съ помощью народной школы поляковъ нѣмцами, но «гдѣ эти онѣмеченныя польскія дѣти, послѣ того, какъ эта система теперь уже была въ дѣйствиіи цѣлое поколѣніе людей».

Въ остальной части девятое приложеніе имѣетъ цѣлью защитить С. Д. Набокова противъ нѣкоторыхъ особенныхъ, гдѣ-то дѣлавшихся по отношенію къ нему, нападковъ. Такъ,

авторъ говоритъ, что утверждене, будто С. Д. Набоковъ «держалъ сторону нѣмцевъ», есть клеветническое и что «когда дошло до того, что подъ это утверждене надобно было подвести хоть какое-либо основаніе, то таковымъ выставлено было его угодничество баронамъ». Между тѣмъ, губернаторъ признавалъ всегда правильнымъ не вмѣшиваться «въ экономическую и политическую мѣстную борьбу нѣмцевъ съ латышами, такъ какъ вмѣшательство въ пользу нѣмцевъ грозило бы возвращеніемъ къ прежнимъ архаическимъ порядкамъ, осужденнымъ ревизіей Сенатора Манасеина въ 1885 году, вмѣшательство въ пользу латышей грозило-бы отдачей въ нераздѣльную ихъ власть не только Курляндской губерніи, но и южной половины Лифляндской и сѣверной Ковенской, т. е. образовалась-бы, при содѣйствіи Губернатора, «Великая Латвія».

Вздорность и несуразность заявленія автора брошюры о «Великой Латвіи» мы выше въ достаточной мѣрѣ, полагаемъ, доказали и потому здѣсь повторяться не будемъ. Укажемъ лишь на новую несуразность заключеній автора, именно—что вмѣшательство Курляндскаго губернатора въ борьбу нѣмцевъ съ латышами въ пользу послѣднихъ отдало-бы во власть латышей не только Курляндскую, но и *части соседнихъ губерній*.

Затѣмъ, отрицаніе авторомъ брошюры того, что С. Д. Набоковъ «держалъ сторону нѣмцевъ», по нашему мнѣнію, находится въ прямомъ противорѣчій съ послѣднею частью перваго и началомъ девятаго приложенийъ къ брошюрѣ, гдѣ авторъ говорилъ о принципѣ государственнаго управленія — поддержаніи крупнаго землевладѣнія и дворянскаго сословія (по выраженію автора брошюры — русскаго курляндскаго дворянства нѣмецкаго происхожденія). Полагаемъ также, что всѣ лица, хоть немного знакомыя съ жизненными отношеніями въ Курляндской губерніи, едва ли согласятся съ мнѣніемъ автора брошюры объ указываемомъ имъ «невмѣшательствѣ». Во всякомъ случаѣ, мѣстное латышское населеніе Курляндской губерніи такого «невмѣшательства» не наблюдало и полагаетъ, что если-бы оно существовало, хотя-бы съ указываемаго авторомъ 1886 года, когда въ Курляндскую губернію «начали назначаться губернаторы не изъ мѣстныхъ нѣмцевъ», то нѣмецкое засилье

было-бы здѣсь значительно ослаблено и, напр., г. А. Ренниковъ могъ-бы найти тамъ гораздо меньше «чудесъ». Едва-ли съ указываемымъ авторомъ «невмѣшательствомъ» согласуется, напр., такой поступокъ С. Д. Набокова, какъ извѣстный арестъ имъ по телеграфу на три мѣсяца бывшаго редактора латышской газеты «Wentspils Apskats» («Виндавское Обозрѣніе») г. Грубе, за каковой поступокъ—кстати сказать, предпринятый послѣ личной явки къ С. Д. Набокову мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства графа Борха—Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ начать противъ С. Д. Набокова предварительное слѣдствіе по обвиненію по ст.ст. 341, 348 и 2 ч. 1540 Улож. о нак., т. е. за превышеніе власти и противозаконное лишеніе свободы.

Въ особенно затруднительное положеніе, по заявленію автора брошюры, поставило Курляндскаго губернатора объявленіе войны съ Германіей. Къ губернатору будто-бы стали поступать въ удивительномъ количествѣ доносы на мѣстныхъ землевладѣльцевъ, которые воспроизводились и въ газетахъ, а когда эти доносы, по производствѣ дознаній, *почти во всѣхъ случаяхъ* оказывались вздорными, то губернатору ставилось въ вину, что виновный остается безнаказаннымъ. «Въ тѣхъ случаяхъ, когда полиціей выяснялись незаконныя дѣйствія того или другого нѣмца, ему, Губернатору, ставились въ вину совершенные ими проступки. Рядомъ съ этимъ обнаружилось, какъ и можно было ожидать, что тѣ или другія лица изъ дворянскаго сословія были дѣйствительно не только нѣмцами, но и германцами въ душѣ. Къ изобличенію такихъ лицъ губернскою администраціею принимались всѣ мѣры, но Губернатору ставилось въ вину самое ихъ существованіе, упуская изъ вида, что въ мирное время онъ не имѣлъ никакихъ основаній ихъ преслѣдовать или измѣнять тѣ распоряженія, которыя въ отношеніи ихъ принимали его предшественники по управленію губерніей. Наконецъ, вопросъ былъ поставленъ такъ, что всѣ Курляндскіе нѣмцы оказались заподозрѣнными въ шпіонствѣ и измѣнѣ». Гдѣ вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ, что *всѣ* курляндскіе нѣмцы оказались заподозрѣнными въ шпіонствѣ и измѣнѣ,—авторъ брошюры не говоритъ. Ни въ мѣстной курляндской, ни въ остальной прессѣ вопросъ такъ не ставился, а всюду указывалось на опредѣленные факты

и опредѣленныхъ лицъ. Думается, поэтому, что въ своихъ обобщеніяхъ авторъ брошюры взялъ много тоновъ выше, чѣмъ-бы слѣдовало по фактическимъ даннымъ. Если-же вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ въ какомъ-либо доносѣ, то, надо думать, не трудно было сразу видѣть не-суразность такого доноса и просто оставить его безъ вниманія и послѣдствій.

Равнымъ образомъ, сомнительно, чтобы кѣмъ-нибудь и гдѣ-нибудь курляндскому губернатору ставились въ вину *совершенные мѣстными нѣмцами проступки или самое существованіе* въ средѣ мѣстнаго дворянскаго сословія лицъ, оказавшихся «не только нѣмцами, но и германцами въ душѣ». Это опять-таки мнѣніе одного только автора брошюры, нигдѣ и ни въ чемъ подтвержденія себѣ не находящее.

Что-же касается мнѣнія автора брошюры о вздорности вышеозначенныхъ доносовъ «почти во всѣхъ случаяхъ», то едва-ли онъ найдетъ много сторонниковъ и этому своему заявленію. Надо думать, и автору брошюры небезызвѣстны будутъ, по крайней мѣрѣ за послѣднее время, такіе случаи, въ которыхъ доносы дознаніемъ были признаваемы вздорными, а потомъ они оказывались сообщаемыми о дѣйствительныхъ фактахъ, повлекшихъ за собою даже наказаніе извѣстныхъ лицъ. Таковы, напр., доносы объ утайкѣ лошадей при конской мобилизаціи и проч.

Въ качествѣ довольно интереснаго примѣра, гдѣ доносъ дознаніемъ былъ признанъ вздорнымъ, а затѣмъ вовсе не оказался таковымъ, можно привести слѣдующій случай.

Волостной старшина Штейнензейской волости, Иллукутскаго уѣзда, Курляндской губерніи, Владиславъ Петровъ Моранъ донесъ жандармской полиціи еще 1-го сентября 1914 года, что бывшій ловчій барона Клопмана въ имѣніи Раутензе, того же Иллукутскаго уѣзда, германскій подданный Полей, проживая въ этомъ имѣніи, «занимался шпионствомъ и составленіемъ плановъ мѣстностей Иллукутскаго уѣзда». Вслѣдствіе этого жандармеріей было произведено дознаніе, результатомъ котораго, очевидно, явилось признаніе доноса «вздорнымъ», а затѣмъ представленіе Курляндскаго губернатора С. Д. Набокова прокурору Митавскаго окружнаго суда о привлеченіи вышеназваннаго во-

достойного старшины Морана къ отвѣтственности по 940 ст. Улож. о нак., т. е. по обвиненію въ ложномъ доносѣ. По предписанію прокурора подлежащимъ судебнымъ слѣдователемъ было произведено слѣдствіе, по окончаніи котораго, вынося свое постановленіе, судебный слѣдователь нашель: «принимая во вниманіе, что необходимо-мыслимымъ въ содержаніи понятія преступленія ложнаго доноса признакомъ является завѣдомость ложности доноса для лжедоносителя; что между тѣмъ, какъ это усматривается изъ вышеизложенныхъ показаній свидѣтелей Гурскаго, Чунчуля и Зайцева, у Морана имѣлись достаточныя основанія для увѣренности въ правдивости его заявленія властямъ о томъ, что ловчій Полей германскій шпіонъ; что побудительный мотивъ къ доносу со стороны Морана—пониманіе имъ своего вѣрноподданническаго долга, самъ по себѣ заслуживающій полнаго уваженія, собранными по дѣлу данными не опровергнутъ; что въ виду изложеннаго въ доносѣ Морана на Полей не усматривается состава преступленія ложнаго доноса, по отсутствію въ этомъ доносѣ признака завѣдомости,—Судебный Слѣдователь на основаніи 277 ст. У. У. С. и въ виду полнаго выясненія обстоятельствъ дѣла и отсутствія въ дѣлѣ свѣдѣній о мѣстѣ пребыванія потерпѣвшаго германско-подданнаго Полея, безъ допроса названнаго Полея по обстоятельствамъ настоящаго дѣла, постановилъ: направить настоящее дѣло черезъ г. участковаго товарища прокурора въ Митавскій окружный судъ для прекращенія за отсутствіемъ состава преступленія». Определеніемъ Митавскаго окружнаго суда отъ 17-го декабря 1914 года это дѣло дѣйствительно было прекращено за отсутствіемъ состава преступленія.

Этотъ примѣръ, кажется, достаточно ясно показываетъ, что на основаніи данныхъ дознанія еще нельзя признавать доносовъ «вздорными» и тѣмъ болѣе еще огульно, «почти во всѣхъ случаяхъ». Такія-же лица, какъ волостной старшина Моранъ, не только не заслуживаютъ наказанія и даже порицанія, а достойны поощренія, какъ дѣйствительно исполняющіе свой долгъ предъ отечествомъ и какъ имѣющіе достаточно гражданскаго мужества въ исполненіи этого долга, несмотря на ясно сознаваемую впереди волокиту и непріятности, почти что даже привлеченіе къ суду, какъ въ дан-

номъ случаѣ. Вѣдь, общеизвѣстенъ фактъ, что шпіонство у тевтоновъ поставлено превосходно и что всѣ пограничныя наши мѣстности на довольно значительномъ разстояніи отъ германской границы покрыты цѣлою сѣтью шпіонажа, какъ паутиной. Ни доблестная наша армія, ни правительство не въ состояніи справиться съ этимъ зломъ безъ содѣйствія общества. Съ другой стороны, болѣе или менѣе опытному судебному слѣдователю и даже администраціи вовсе не трудно въ настоящее время отличить, гдѣ они имѣютъ дѣло съ ложнымъ доносомъ и гдѣ съ важными въ государственномъ отношеніи свѣдѣніями, иначе говоря, со зломъ, которое необходимо устранять и пресѣкать для блага государства и для обезпеченія успѣха дѣйствіямъ нашей арміи. И если-бы всѣ указываемые авторомъ доносы доходили до судебныхъ властей, напр., до судебныхъ слѣдователей, то—мы твердо въ этомъ убѣждены—по производствѣ во всѣхъ случаяхъ надлежащаго слѣдствія, открылась-бы ужасающая картина шпіонажа и предательства.

Трудное положеніе бывшаго Курляндскаго губернатора С. Д. Набокова авторъ брошюры усматриваетъ еще въ слѣдующемъ. Онъ говоритъ: «обязанность Губернатора поддерживать обще-государственный порядокъ во всѣхъ его формахъ и развѣтвленіяхъ. Если въ этомъ отношеніи Губернаторъ и находитъ опору со стороны латышей, то только очень немногихъ, благоразумныхъ,—какъ-то: представителей сельско-хозяйственныхъ обществъ, городскихъ головъ, правыхъ частей латышскихъ партій въ городахъ, волостяхъ, недопускающихъ у себя пропаганды и т. п.». Это разсужденіе автора брошюры представляется просто недоразумѣніемъ. Если-бы въ поддержаніи обще-государственнаго порядка курляндскій губернаторъ находилъ опору только въ той небольшой кучкѣ латышей, о которыхъ говоритъ авторъ брошюры, то, принимая во вниманіе большой процентъ латышскаго населенія въ Курляндской губерніи, въ послѣдней порядкѣ никогда не было-бы, а всегда наблюдалась-бы смута или что-либо подобное. Составляющихъ опору губернатора латышей авторъ брошюры усматриваетъ, вѣроятно, лишь въ «безгласныхъ молчальникахъ». Если-же кто-либо осмѣливается подавать жалобы на распоряженія и дѣйствія губернатора или писать о таковыхъ въ газетахъ или же

если С. Д. Набоковъ, по мнѣнію автора брошюры, гдѣ-либо не пользовался популярностью (напр., въ Добленской волости, о которой говорилъ авторъ въ первомъ приложеніи къ своей брошюрѣ), то все это уже лица, не составляющія опоры въ поддержаніи порядка. Только такимъ предположеніемъ и можно объяснить изложенное разсужденіе автора брошюры. На самомъ дѣлѣ, въ поддержаніи общегосударственнаго порядка С. Д. Набоковъ находилъ опору и въ тѣхъ лицахъ-латышахъ, о которыхъ авторъ брошюры отзывался оскорбительно въ разсматриваемомъ приложеніи, какъ равно и тамъ, гдѣ онъ, С. Д. Набоковъ, будто-бы не пользовался популярностью. Другое, конечно, дѣло — направленіе политики и образъ дѣйствій С. Д. Набокова. Если-бы авторъ брошюры сказалъ, что въ этомъ отношеніи С. Д. Набоковъ находилъ мало опоры среди латышей Курляндской губерніи, ибо эта политика представлялась имъ нѣмцефильскою, то, пожалуй, съ авторомъ въ споръ вступать не пришлось-бы.

Наконецъ, послѣднимъ утвержденіемъ автора брошюры, которымъ онъ, такъ сказать, кладя курляндскихъ нѣмцевъ и латышей на чашки вѣсовъ, хотѣлъ показать легковѣсность латышей и окончательно ихъ очернить, является то, что «нѣмецкое населеніе болѣе консервативно, чѣмъ латышское» и что «латышскіе націоналисты подвигнули чернь на уничтоженіе Царскихъ Портретовъ, на поджоги и грабежи, когда нѣмцы сидѣли въ латышскихъ церквахъ съ револьверами въ рукахъ, чтобы защищать пасторовъ въ то время, когда они, вопреки запрету латышей, произносили молитву за Царя, причемъ былъ случай, когда при выходѣ изъ церкви баронъ Бистрамъ былъ за это убитъ на мѣстѣ изъ револьвера, а баронъ Ганъ тяжело избитъ. Утверждать, что за семь лѣтъ совершенно измѣнился характеръ цѣлаго народа... не только нельзя, но надо быть политически наивнымъ, чтобы этому повѣрить».

О лживости обвиненія латышскихъ націоналистовъ въ приписываемыхъ имъ здѣсь тяжкихъ преступленій мы уже выше говорили. Присоединеніе-же къ этому обвиненію еще указанія, что какъ-будто всѣ эти преступленія въ характерѣ латышскаго народа — это уже рекордъ наглости и легкаго, беззащѣннаго отношенія къ разсматриваемому вопросу. Конечно, за семь лѣтъ характеръ цѣлаго народа не можетъ

совершенно измѣниться, но ему въ данномъ отношеніи и не нужно было измѣняться. Движеніе 1905—1906 годовъ, какъ мы уже выше указали, было не въ Прибалтійскихъ губерніяхъ созрѣвшее, а наносное. Оно, далѣе, было не мѣстное только, но общеимперское, наблюдавшееся во всей Россіи, въ частности въ Петроградѣ и Москвѣ. Равнымъ образомъ, и эксцессы этого движенія были почти всюду, въ общемъ, одинаковые; нѣкоторая разниа, быть можетъ, заключалась лишь въ частностяхъ, разниа, объяснявшаяся мѣстными условіями. Слѣдовательно, если въ движеніи 1905—1906 годовъ и его эксцессахъ въ Прибалтійскомъ краѣ и, въ частности, въ Курляндской губерніи, обвинять латышскихъ націоналистовъ, то съ такимъ-же правомъ и съ такою-же послѣдовательностью по отношенію къ внутренней Россіи, населенной чисто русскимъ населеніемъ, въ означенномъ движеніи нужно обвинять русскихъ націоналистовъ и, въ частности, автора разсматриваемой брошюры, который, судя по содержанію послѣдней, является убѣжденнымъ русскимъ націоналистомъ. Это показываетъ, что нелѣпое умозаключеніе, проведенное послѣдовательно, неизбежно приводитъ въ концѣ-концовъ къ абсурду.

Немного обдумать, прежде чѣмъ написать, слѣдовало автору брошюры и слѣдующія слова: «когда нѣмцы сидѣли въ латышскихъ церквахъ съ револьверами въ рукахъ, чтобы защищать пасторовъ въ то время, когда они, вопреки запрету латышей, произносили молитву за Царя». Какъ пишущему о Прибалтикѣ и, въ частности, о Курляндской губерніи, автору брошюры должно было быть извѣстнымъ, а если не было извѣстно, то добросовѣстность требовала убѣдиться, можно-ли и насколько говорить о латышскихъ лютеранскихъ церквахъ. Чисто латышскихъ, не находящихся въ зависимости отъ нѣмцевъ, лютеранскихъ церквей въ Курляндской губерніи имѣются лишь двѣ—одна въ Митавѣ и одна—въ Либавѣ. Остальные приходы и церкви, не являющіеся чисто нѣмецкими, а въ особенности приходы и церкви въ сельскихъ мѣстностяхъ, являются нѣмецко-латышскими, находящимися въ полнѣйшей зависимости отъ нѣмцевъ. Нѣмецкіе помѣщики, по праву патроната, единолично назначаютъ къ такимъ приходамъ и церквамъ пасторовъ, во многихъ случаяхъ противъ воли всей латышской части

прихода, составляющей 90—99% всѣхъ членовъ прихода. Такихъ неугодныхъ и навязанныхъ приходу пасторовъ, зачастую неумѣющихъ вовсе говорить по-латышски и не могущихъ болѣе или менѣе благообразно совершать для латышей богослуженіе, можетъ быть и приходилось когда-либо защищать нѣмцамъ, какъ иногда ихъ силою-же приходилось и вводить въ должность, но защищать вовсе не во время произнесенія молитвы за Царя, а вообще какъ неугодныхъ приходу пастырей. И едва-ли пасторы-нѣмцы являются такими усердными «молитвенниками» за Царя. Этому противорѣчатъ многократныя высылки Прибалтійскихъ пасторовъ-нѣмцевъ изъ предѣловъ Прибалтійскаго края во время настоящей войны; этому противорѣчатъ и такіе случаи, когда, какъ сообщалось въ Прибалтійскихъ газетахъ, одинъ пасторъ-нѣмецъ не совершалъ въ теченіе многихъ лѣтъ своей бытности пасторомъ богослуженія ни въ одинъ изъ Царскихъ праздниковъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о томъ дебетѣ, который, по заявленію автора брошюры, въ виду искренняго патріотизма простого латышскаго народа, будто-бы записываютъ на русское правительство латышскіе интеллигентные націоналисты, и о томъ счетѣ, который они потомъ предъявляютъ. Дебетъ на русскомъ правительствѣ по отношенію къ Прибалтійскимъ губерніямъ давно существуетъ и его сознаетъ и само правительство. Дебетъ этотъ состоитъ въ тѣхъ жизненно-настоятельныхъ, можно сказать, неотложныхъ реформахъ, которыя еще необходимо провести въ Прибалтійскомъ краѣ. Послѣ 1889 года, когда въ краѣ была введена судебная реформа, ни одной болѣе или менѣе существенной и важной реформы здѣсь не проведено, хотя разговоры о необходимости реформъ продолжались и почти никогда не умолкали. Какія именно реформы въ краѣ необходимы — это давно уже указано правительству мѣстными жителями, объ этомъ они давно предъ правительствомъ ходатайствовали, или, выражаясь словами автора брошюры, счетъ русскому правительству въ отношеніи реформъ мѣстными жителями Прибалтійскаго края давно предъявленъ и потому въ новомъ счетѣ надобности нѣтъ. Съ другой стороны, этотъ счетъ давно извѣстенъ правительству и, смѣемъ думать, прекрасно знакомъ и автору брошюры. Между прочимъ, и

въ Именномъ Высочайшемъ Указѣ Правительствующему Сенату, отъ 28-го ноября 1905 года, для Прибалтійскаго края признана необходимость «разработки законодательныхъ положеній по всѣмъ мѣстнымъ вопросамъ и, въ частности, о введеніи въ край земскаго самоуправленія, объ улучшеніи быта крестьянъ, о реформахъ приходскихъ учреждений и школьной». Ничего ужаснаго, даже сколько-нибудь опаснаго означенный «счетъ» ни для кого не представляетъ, а въ смыслѣ такъ называемой государственности возмѣщеніе по этому счету было-бы только полезнымъ. До сего времени, начиная съ 1889 г., этотъ счетъ совсѣмъ неуплачивался, даже и по отдѣльнымъ, мелкимъ частямъ. Причины этому явленію были разныя, но главною изъ нихъ являлось недостаточное знакомство правительства и русскаго общества съ краемъ и его жителями и, какъ слѣдствіе этого незнакомства, неправильная оцѣнка живущихъ въ край народностей. Это незнакомство, эта неправильная оцѣнка нынѣ начинаютъ исчезать и этому, конечно, стараются содѣйствовать и интеллигентные латышскіе націоналисты. Поэтому, если можно теперь говорить о какомъ-либо предъявленіи счета, то только о томъ, чтобы русское правительство и русское общество уразумѣли правильно жизненные отношенія въ Прибалтійскомъ край, поняли дѣйствительно здѣсь происходящее, составили себѣ правильное понятіе о стремленіяхъ и чаяніяхъ разныхъ населяющихъ край народностей. Да и это пожеланіе давно было высказываемо мѣстными коренными жителями Прибалтійскаго края. Оно было высказано, между прочимъ, и въ вышеуказанной рѣчи депутата И. П. Залита, произнесенной въ засѣданіи Государственной Думы 14-го декабря 1912 года, въ слѣдующихъ словахъ: «Надо полагать, что нужды кореннаго населенія Прибалтійскихъ губерній извѣстны правительству. Или и теперь еще правительству продолжаетъ мѣшать видѣть эти нужды и проводить реформы то средостѣніе, которое до сихъ поръ постоянно существовало между русскимъ правительствомъ, съ одной стороны, и кореннымъ населеніемъ Прибалтійскихъ губерній, съ другой стороны. Подъ этимъ средостѣніемъ я понимаю ту небольшую кучку Прибалтійскихъ нѣмцевъ-дворянъ, которые всегда играли большую, даже рѣшающую роль въ жизни Прибалтійскаго края, которые, благодаря

своимъ связямъ, до сего времени весьма сильно вліяють на многія стороны жизни Прибалтійскаго края и тормозятъ дѣло реформъ во вредъ какъ кореннымъ жителямъ края, такъ и другимъ населяющимъ край національностямъ, и во вредъ и тѣмъ стремленіямъ правительства, которыя имѣють въ виду единеніе края съ остальною Россією. Я выражаю пожеланіе, чтобы русское правительство устранило съ пути это средостѣпіе, чтобы оно, какъ говорится, смотрѣло на мѣстную жизнь своими глазами и слушало своими ушами. Тогда, я увѣренъ, правительство, при добромъ, конечно, желаніи, найдетъ пути, которыми не только будутъ удовлетворены мѣстные нужды края, но и достигнута та цѣль, которую ставитъ себѣ правительство, т. е. возможное единеніе населенія края съ великою русской народностью». Если означенное давнишнее пожеланіе коренныхъ жителей Прибалтики осуществится, если правительство и русское общество правильно поймутъ и оцѣнятъ происходящее въ Прибалтійскомъ краѣ, то радикально должно измѣниться ихъ отношеніе къ краю. Вся нынѣшняя политика по отношенію къ этому краю не можетъ не быть тогда измѣнена. Правительство и русское общество должны тогда придти къ заключенію, что коренные жители края являются защитниками государства и государственности, что на нихъ можно и должно основывать будущую политику, будущія мѣропріятія по отношенію къ краю, что на побережьи, указанномъ и предназначенномъ имъ судьбой и исторіей для жительства, они являются надежною плотиною противъ волнъ германизма и, наконецъ, что въ интересахъ государства не ослаблять, а укрѣплять эту плотину и, въ особенности, не питать жизненными соками и не усиливать враждебной государству волны германизма, тевтонства. Закаленные въ продолжительной семисотлѣтней борьбѣ съ воинствующимъ тевтонствомъ, коренные жители Прибалтики являются тѣмъ авангардомъ Россіи, который здѣсь теперь и еще въ далекомъ будущемъ абсолютно необходимъ.

Въ заключеніе нужно сказать, что мы сочли нужнымъ выступить противъ рассматриваемой брошюры не потому, чтобы думали, что она можетъ причинить значительный вредъ. Внимательный читатель, хоть немного знакомый съ жизненными отношеніями въ Прибалтійскомъ

краѣ, прочитавъ означенную брошюру, и самъ замѣтитъ вздорность и несуразность выводовъ и положеній ея автора и, можетъ быть, еще лучше и въ большей степени, чѣмъ сдѣлали это мы въ предыдущемъ изложеніи. Однако лицъ, очень мало знающихъ Прибалтійскій край или совершенно незнакомыхъ съ нимъ, брошюра можетъ смутить и оставить въ сомнѣніи по нѣкоторымъ, затронутымъ въ ней, вопросамъ, ибо она несомнѣнно имѣетъ предвзятую цѣль. Если наши замѣчанія на брошюру помогутъ читателямъ лучше облумать и обсудить ея содержаніе, то цѣль нашей работы будетъ достигнута.

Цѣна 60 коп.

